

**Юлиус Эвола**

## **«РАБОЧИЙ» В ТВОРЧЕСТВЕ ЭРНСТА ЮНГЕРА**

---

Перевод с итальянского В. В. Ванюшкиной

Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера / Пер. с итал. В.В. Ванюшкиной. – СПб.: Наука, 2005. – 192 с., ISBN 5-93615-051-8

Книга известного итальянского традиционалиста представляет собой подробный и глубокий анализ наиболее значительного произведения Эрнста Юнгера, затрагивающего проблемы мировоззрения и смысла жизни, которые по-новому встают перед человеком в эпоху техники. Это полемика против материализма, против идеалов процветающего «стадного животного», которому противостоит новый тип человека, склонный скорее дарить, чем просить, чьей основной задачей является преодоление кризиса, в который все глубже погружается современный мир.

© Издательство «Владимир Даль», 2005

© В. В. Ванюшкина, перевод, 2005

© П. Палей, оформление, 2005

### **ОГЛАВЛЕНИЕ**

Предисловие

Вступление

#### **Гештальт «Рабочего»**

Лицо и границы буржуазного общества

Вторжение стихийного в буржуазное пространство

Понятие работы

Доктрина гештальта

Рабочий и сверхчеловек

О переходной стадии

#### **Мир техники**

Работа и техника как революционные силы

Атака на индивида. Тип

Атака на массы. Органические конструкции. Ступени новой иерархии

Человек и техника. Проблема границы

Строительный ландшафт

### **Господство рабочего**

Искусство, культура и «Gestaltung» в мире типа

О ценностях типа

### **Политические формы. Тотальное пространство работы**

Последняя стадия

Заключительные соображения

Примечание

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Эрнст Юнгер считается одним из наиболее выдающихся среди ныне живущих немецких писателей. Он уже знаком итальянскому читателю по различным переводам его сочинений, опубликованным крупнейшими издательствами. Однако это касается прежде всего книг, написанных во второй период творчества Юнгера, книг преимущественно художественного и очеркового характера.

Между тем настоящая работа посвящена изложению и анализу «Рабочего» – главного произведения первого периода, в котором еще чувствуется опыт Юнгера как заслуженного фронтовика и основной темой которого является проблема мировоззрения и мироощущения в техническую эпоху. Сразу отметим, что, говоря о «рабочем», Юнгер не имеет в виду представителя определенного общественного класса или, тем более, «трудового пролетариата», но использует это понятие как символ. Символ нового человеческого типа, способного обернуть в свою пользу все на первый взгляд разрушительные и опасные процессы последнего времени и преобразовать их в духовно формирующую силу.

Эта книга, в которой Юнгер ставит точный и тщательно выверенный диагноз современному миру, равно далека как от всякого рода пессимизма, так и от не критичного оптимизма и написана с такой силой драматического воображения, которая выдает в ее авторе великого художника. Хотя она появилась еще в 1935 году, содержащийся в ней анализ не утратил своей актуальности и сегодня; более того, можно сказать, что Юнгер, выступая против всех форм бегства от затяжной холодной войны, в которой понятия «восток» и «запад» обретают космическое значение, указывает истинным противникам буржуазии, готовым взять на себя ответственность, героический путь, способный вывести их из состояния духовной спячки, в которую они, казалось бы, погрузились с

пришествием четвертого сословия, мира техники и машин. Полемическая направленность книги против экономического материализма, идеалов процветания «стадного животного», омещания даже тех кругов, которые рядятся в мундир противников буржуазии, дополняется конструктивным стремлением к утверждению – пусть даже иной раз высказываемому неприемлемым тоном – необходимости воспитания, направленного на подготовку нового типа человека, склонного скорее давать, чем просить, ради преодоления кризиса, которым охвачен современный мир.

В свое время книга Юнгера вызвала широкий отклик. Сегодня полемика разгорелась вновь в связи с намеченным изданием полного собрания сочинений автора. Поэтому очевидно, что затронутые в ней проблемы будут интересны также итальянскому читателю, как с точки зрения критики нашего времени и попытки прогноза его дальнейшего развития, так и в смысле новых интеллектуальных, этических и духовных перспектив, открывающихся перед новыми элитами.

*Рим, 1960*

## **ВСТУПЛЕНИЕ**

В период между двумя мировыми войнами в Германии дважды вышла книга, вызвавшая широкий отклик и бурную полемику. Она называлась «Рабочий: гештальт и господство» («Der Arbeiter: Gestalt und Herrschaft»), ее автором был Эрнст Юнгер. К тому времени Юнгер получил уже весьма широкую известность как автор произведений, в которых в противоположность пораженческой и пацифистской литературе послевоенного периода подчеркивались духовные измерения, могущие открыться человеку и на полях современной войны (его даже называли «анти-Ремарком»), Юнгер был не просто писателем. Сразу по окончании средней школы, он, задыхаясь в затхлой атмосфере буржуазного общества, убежал из родного дома, чтобы поступить в Иностранный Легион. С началом первой мировой войны он пошел на нее добровольцем, был шестикратно ранен и многократно награжден за храбрость, проявленную при выполнении особых заданий новыми, ранее невиданными тактическими приемами. Он стал единственным младшим офицером во всей немецкой армии того времени, удостоенным высшей награды «Pour la mérite». В сочинениях Юнгера первого периода «Среди стальных бурь» («In Stahlgewittern»), «Борьба как внутренний опыт» («Der Kampf als inneres Erlebnis»), «Перелесок 125» («Das Wäldchen 125») и, главным образом, в книге «Огонь и кровь» («Feuer und Blut») нашел свое отражение непосредственно пережитый им опыт.

Между перечисленными произведениями и настоящим сочинением, «Рабочий», существует внутренняя преемственность. Она выражается в следующем:

современная война приводит к прорыву стихийного; стихийных сил, связанных с силами материальными, то есть с системой технических средств тотального разрушения («битвы материала»). Это нечеловеческая сила, выпущенная на волю человеком, от воздействия которой он как солдат не может уклониться. Он должен помериться с ней силами, с одной стороны, сам став механическим орудием, а с другой стороны, научившись использовать стихийное и ему противостоять; противостоять не столько в материальном, сколько в духовном смысле. Но это возможно, только если человек сумеет выработать новый образ жизни, допускающий также вероятность собственной гибели. Однако в конечном счете эта вероятность представляется малозначимой сравнительно с моментами тотальной самоотдачи человека своему деянию и реализации абсолютного смысла жизни.

Этот духовный смысл, впервые открывшийся ему там, где царит «механическая смерть», в опыте «битвы материала», Юнгер позднее переносит на всю жизнь в современном механизированном мире техники, где наряду с прорывом стихийного разворачиваются разнообразные разрушительные процессы, которые оборачивают против самого человека технику; орудие, созданное им наподобие Голема для господства над природой. Отныне человек уже не волен уйти от этого мира, точно так же как на войне он не может укрыться от разбуженной им же самим материи, найти убежище от бурь стали и огня. Ситуация повторяется – для противостояния этому миру, созданному ради достижения господства над землей, чуть ли не в соответствии с библейскими словами «Будешь подобным Богу», но теперь уже свободным от Бога, необходимо, чтобы обрел свою форму новый человеческий гештальт. На вызов разрушительных, механических сил новый человек должен ответить абсолютным внутренним деянием, усвоить новую этику и новое мировоззрение. В мире, стремящемся к полной механизации и моторизации, необходимо перенести на мирную жизнь военную концепцию тотальной мобилизации, отныне понимаемую преимущественно во внутреннем смысле. В этом смысле она означает тотальную задачу жизни, полную самоотдачу действию, невзирая на обязательства, условности и противоречия, присущие обычному индивидуальному существованию. Подобную ориентацию Юнгер называет также «героическим реализмом».

Таков идейный генезис «Рабочего» и конечный смысл развиваемых в нем идей. Эта книга давно произвела на нас сильнейшее впечатление как одно из наиболее красноречивых свидетельств нашей эпохи. Поэтому сначала мы решили перевести ее целиком, чтобы познакомить с ней итальянского читателя. Тем более что помимо вышеуказанной, центральной идеи в ней затронуты и другие, не менее важные проблемы. Первая касается кризиса буржуазного общества, или общества третьего сословия, и формулируется следующим образом: можно ли, признав необратимость кризиса буржуазного мира и даже приветствуя любую атаку на его остатки, быть противником буржуазии, не становясь при этом марксистом, но, напротив, стремясь к реализму и антииндиви-

дуализму прямо противоположного знака? Как следует использовать мир техники для этой положительной антибуржуазной ориентации, свободной от материалистических и «физических» предпосылок? С последним вопросом непосредственно связана проблема индивидуализма и коллективизма, личности и безличности, идеала избирательного человеческого воспитания, приемлемого как для нынешнего времени, так и для будущего. Не менее важной представляется проблема практического использования техники и установления пределов ее развития, а также вопрос о том, как соотносятся безграничное развитие и чистый динамизм, с одной стороны, с потребностью в устойчивости – с другой. Речь идет об устойчивости, присущей миру, где за привычным движением вновь воцаряются бытие и форма, понимаемая в высшем, почти метафизическом смысле, которому, как мы увидим, соответствует немецкое слово Gestalt, используемое Юнгером. И основная проблема, заключающаяся в преодолении нигилизма, переходе от «нулевой точки ценностей» (в смысле ценностей, свойственных обществу в состоянии кризиса), и проблема меры и форм, благодаря которым разрушительные процессы могли бы обрести очистительное значение, то есть способствовать освобождению, каковое является предварительным условием созидательной эпохи, не только имеют существенное значение для отдельного человека, но важны также с точки зрения морфологии и прогнозирования истории. Это заставляет нас вернуться к обсуждению перспектив, открытых широкой публике благодаря «Закату Европы» Освальда Шпенглера. Необходимо понять, действительно ли феномен «цивилизации» («Zivilisation» в шпенглеровской терминологии есть механическое, антитрадиционное, космополитическое, рационалистическое общество, подчиненное экономике и массам) как, согласно Шпенглеру, последняя стадия старения, которой регрессивно завершается цикл общества качественного типа («Kultur» в понимании Шпенглера) **[Следует постоянно помнить о противопоставлении «цивилизации» «культуре» в подлинном, качественном и органичном понимании. Шпенглеровская терминология нередко используется Юнгером, поэтому мы берем эти выражения в кавычки при их употреблении в вышеуказанном смысле.]**, является знаменем конца, ведет к необратимому разрыву преемственности и окончательно закрывает возможность нового положительного цикла, или же «цивилизация» – лишь подготовительный этап к наступлению этого нового цикла, достигаемого за счет экзистенциального преобразования, которое, однако, затронет лишь тех, кто способен почувствовать «метафизический» характер этого сложного процесса.

Итак, хотя поначалу мы намеревались полностью перевести эту книгу Юнгера, содержание которой затрагивает столь важные проблемы, через некоторое время, перечитав ее, мы пришли к выводу, что простой перевод не позволит нам достичь поставленной цели. Действительно, отдельные места «Рабочего», имеющие неоспоримую ценность, перемешаны с другими, которые только затрудняют понимание читателю, не способному к избирательному подходу, так как связаны с частными обстоятельствами недавней немецкой истории и не

учитывают тех событий, проблематичность которых выявилась только позднее. Кроме того, можно сказать, что «Рабочий» в некотором смысле стал чужим для своего автора, дальнейшее творчество которого хотя заметно прибавило ему славы (сегодня он считается одним из крупнейших немецких писателей), с духовной точки зрения утратило прежний уровень, как вследствие преобладания литературно-эстетического момента, так и под влиянием идей другого порядка, иной раз даже противоречащих тем, которыми вдохновлялись его ранние произведения. Складывается впечатление, что тот духовный заряд, который дала ему война, постепенно исчерпался. Известно, что Юнгер подумывал о новой редакции и возможном дополнении к книге «Рабочий», которая, несмотря ни на что, остается его главным сочинением. Хотя этого и не случилось, мы не уверены, что в случае нового переиздания, наиболее ценные положения «Рабочего» не пострадали бы, учитывая позднейшее изменение авторских взглядов, вызванное своего рода шоком, который он, как и другие его соотечественники, испытали в результате последних событий.

Поскольку, на наш взгляд, «Рабочий» является вполне самостоятельным документом, мы отказались от его полного перевода, решив, что для достижения поставленной нами цели достаточно в общих чертах изложить основные идеи этой книги, опираясь преимущественно на цитаты, но при этом опустив второстепенные и сомнительные моменты ради выявления наиболее существенных. Точно так же мы решили ограничиться минимумом дополнительных наблюдений критического и иллюстративного характера, посчитав это наилучшим способом для ознакомления читателя с наиболее интересными взглядами Юнгера на вышеуказанные проблемы.

Возможно, учитывая нынешнее состояние современного мира техники, ориентация на «героический реализм» покажется устаревшей определенной категории читателей, не видящих необходимости в применении к повседневной жизни тех установок, в которых отражается атмосфера высокого напряжения современной войны. Действительно, нынче в некоторых кругах царит эйфория от достижений «второй индустриальной революции», якобы способной создать все условия для наступления всеобщего благосостояния и легкой, безопасной жизни, вопреки тем опасениям, которые до сегодняшнего дня вызывала техника у большинства критиков современного мира. По этому поводу достаточно напомнить, что схожая атмосфера эйфории, рожденная прогрессистским и гуманно-социальным мифом, царила в эпоху первой «индустриальной революции», в результате которой, однако, социальный, политический и духовный кризис Запада только обострился. Помимо того, сегодня все явственнее проступает обратная, темная сторона «светлых перспектив» атомной эры. Это связано как с военным использованием созданных ею средств, так и с тем, что новый мир в сущности представляет собой лишь временное перемирие, ибо соперничающие силовые блоки продолжают свою борьбу за господство над миром, и многих даже не смущает апокалиптическая перспектива уничтоже-

ния всего человечества на нашей планете. Поэтому, если учитывать все возможности и не убаюкивать себя баснями, рожденными гипотезой о сущностно разумной и доброй природе человека, закрывая глаза на ее двойственный, проблематичный и противоречивый характер, воззрения, изложенные в «Рабочем», сохраняют свою ценность. Важно учитывать возможность, точнее даже необходимость, подготовки человеческого типа, способного стоять на высоте любой ситуации, включая и экстремальные. Точно так же не стоит пренебрегать теми проблематичными аспектами нашего мира, рассматриваемыми Юнгером, которые хотя и не имеют непосредственной связи с разрушительными процессами как таковыми в чисто физическом смысле, тем не менее являются прямым результатом той атмосферы уравниловки и торжества однообразия, которая, судя, например, потому, что происходит сегодня в США, похоже, стала неотъемлемой частью прогрессистского и идиллического взгляда на технику как на универсального спасителя и творца земных парадизов без змей.

Поэтому, хотя некоторые идеи в том виде, как они сформулированы в «Рабочем», отчасти обусловлены историческими обстоятельствами, которые, по крайней мере в том, что касается «Запада» (в политическом смысле), значительно отличаются от современных, многие из указанных в нем ориентиров ничуть не утратили своей ценности; или, если угодно, могут пригодиться «на всякий случай» как возможный путь для развития расы нашей планеты в грядущие времена.

## ГЕШТАЛЬТ «РАБОЧЕГО»

### **Лицо и границы буржуазного общества**

Юнгер начинает свою книгу с анализа эпохи третьего сословия, то есть буржуазии, выявляет мнимый характер ее господства, указывает на кризис созданного ею общества и ее основополагающих идей, а затем переходит к описанию нового гештальта человека, который он намеревается показать «как действующую величину [в математическом смысле], отныне властно вторгшаяся в историю и непосредственно определяющую структуры преобразенного мира». Поэтому здесь следует говорить не столько о «новых идеях или новой системе, сколько о новой реальности», которую способен уловить беспристрастный взгляд и чей глубоко революционный характер обусловлен самим фактом ее существования. Одной из наиболее существенных черт, присущих стилю, названному им «героическим реализмом», Юнгер считает способность к распознаванию «нового» непосредственно в экзистенциальных понятиях чистой реальности путем отказа от всякого оценивания и активной адаптации к этому «новому».

Он определяет эпоху третьего сословия как мир искусственных и шатких надстроек, господство которых, однако, «так и не смогло затронуть то глубинное ядро, от которого зависят сила и полнота жизни во всех ее проявлениях». В эту эпоху «повсюду, где мысль достигала наибольшей глубины и отваги, чувство – наибольшей жизненной остроты, удар – наибольшей беспощадности, можно легко распознать бунт против ценностей, поднятых на щит разумом, возвестившим о своей независимости»; то есть против ценностей, рожденных верой в разум, восторжествовавшей с пришествием третьего сословия, предвестником которой был театрализованный якобинский культ Богини Разума, воплотивший на практике абстрактные экзерсисы энциклопедистов. Поэтому «носители той прямой ответственности, которую называют гениальностью, никогда прежде не были столь одиноки, никогда прежде их творчество и деятельность не были столько провальными, и никогда прежде не была столь скудна пища для вольного развития героя. Корням приходилось пробиваться вглубь иссушенной почвы, чтобы достичь источников, в которых скрыто магическое единство крови и духа, придающее слову неотразимость». «Поэтому это время изобиловало великими сердцами, последним протестом которых становился отказ от самих себя; изобиловало высокими умами, которым казался желанным покой мира теней <...>, богато битвами, где кровь, а не дух, доказывала себя в победах и поражениях». «Честь и слава павшим, раздавленным жестоким одиночеством любви и познания или срезанным сталью на высотах, опаленных пламенем битвы!» – говорит Юнгер.

Основной чертой буржуазного мира является особое понятие свободы как абстрактной, общей, индивидуалистической свободы, «как самодостаточной формы, лишенной всякого содержания и приложимой к любой величине». Подобное понимание прямо противоположно идее – к которой неизбежно придется вернуться, – гласящей, что «свобода, которой располагает сила, прямо пропорциональна величине, стоящей перед ней задачи, а объем доступной свободы определяется мерой ответственности, которая придает ей смысл и законность». Буржуа знакома только «свобода от», но не «свобода для» (известное разделение, проведенное уже Ницше); ему неведом мир, где «высшие формы свободы возникают только тогда, когда сама свобода пропитывается сознанием того, что она является лишь ленным владением»; он не знает, что «послушание есть искусство слушать, а порядок – готовность повиноваться слову, приказу, который, подобно молнии, пронзает от вершины до самых корней»; ему не знакомы такие ситуации, в которых «вождь узнается по тому, что он есть первый слуга, первый солдат, первый рабочий»; наконец, он не в состоянии понять, что «предельной силы достигают только тогда, когда исчезают сомнения в том, кто должен приказывать, а кто – повиноваться».

Эпохе третьего сословия неведомо единство свободы и служения, единство свободы и порядка; она «никогда не знала чудесной власти этого единства, ибо достойными стремления ей казались только слишком легкодоступные и слишком человеческие удовольствия». Обратной стороной этого абстрактного,



индивидуалистического, собственнического понимания свободы является идея социума как системы, определяемой принципом общественного договора. Именно благодаря подобному абстрактному представлению о свободе буржуа присуще стремление к разложению всякого органического единства, к «превращению всех отношений, основанных на долге и ответственности, в договорные отношения, которые можно расторгнуть». С точки зрения форм общественной жизни особо значимой категорией для буржуазного мышления является «общество» как противоположность чисто политической категории «государства»; более того, само государство мыслится в понятиях «общества». В связи с этим Юнгер обращается к концепции, довольно распространенной среди немецких политических писателей, согласно которой имеется существенное различие между системами, отправной точкой и идеалом которых служит «общество», и теми, основанием и идеалом которых, напротив, является «государство». Причем в последнем случае под государством понимается реальный самодостаточный, вышестоящий принцип, не сводимый к простым фактам, благодаря которым индивиды сплавляются в неорганическую и атомистическую массу на эмпирической и утилитарной основе.

Итак, в буржуазной цивилизации все осмысляется в понятиях «общества», в основании которого лежат расчет и соответствующая мораль. Для сведения всякой величины к подобной форме применяются тончайшие приемы. В конце концов все совокупное население земли начинают понимать как «общество», «теоретически представляемое как идеальное человечество, разделение которого на государства, нации или расы зиждется на ошибке, которая, впрочем, со временем будет устранена путем договоренностей, просвещения, смягчения нравов или развитием средств передвижения и сообщения».

Так, в частности, «бюргеру известна лишь оборонительная война, а значит, войны он не знает вообще уже потому, что сама его природа исключает воинский элемент... И даже если он, из откровенно корыстных побуждений, призывает на помощь солдата или сам обряжается в солдатскую форму, то всегда настаивает на том, что это делается исключительно ради самообороны, или, когда хочет пустить пыль в глаза, ради защиты всего человечества».

Таким образом, ценнейшей находкой буржуазного мышления, одновременно ставшей «неисчерпаемым предметом его художественного воображения», является «странная, абстрактная фигура» – индивид. Хотя на практике «индивид видит свою противоположность... в массе», последняя на самом деле является «его точным зеркальным отражением». «Масса и индивид – лишь две стороны одной медали», то есть по сути – одно и то же. Это два полюса «общества», противоположные лишь внешне. Благодаря их единству «уже целый век перед нами разыгрывается зрелище, ошеломляющее своей двойственностью: самая разнузданная анархия, с одной стороны, и будничная деловая порядок демократии – с другой». Здесь Юнгер обращается к другой известной теме, разра-

батываемой политической мыслью традиционной направленности: там, где отвлеченная идея свободы превращает конкретную личность в атом, сводит ее к индивиду, количественной единице, разрушая все свойственные ей органические связи, как диалектический контрапункт, как неизбежная изнанка возникает масса, чистое царство количества. Однако, как мы увидим, по мнению Юнгера, кризис буржуазного общества равно поражает оба его полюса – как индивида, так и массу, и за рамками этих образований неизбежно начинают утверждаться новые категории.

Договорная концепция общественного единства приводит к тому, что излюбленным режимом буржуа, необходимым для выживания и поддержания его устоев, становится система переговоров, соглашений и договоренностей. До тех пор, пока сохраняется возможность договориться, буржуа чувствует себя в безопасности; поэтому он стремится к устранению любых опасностей, которые могут возникнуть для системы в целом в результате разногласий внутри «общества», то есть классовых конфликтов. Он научился отстаивать принцип «общества» от внешних нападков, добившись того, чтобы сами эти нападки диктовались тем же принципом с присущим ему представлением о свободе; в результате любая смена власти оказывается лишь частной поправкой к общественному договору. В противоположность мужской природе государства «женская природа «общества» сказывается в его стремлении вобрать в себя всякую противоположность, а не устранить ее. Оно идет на утонченный подкуп, выдавая всякое решительное оппозиционное требование за новое выражение своего понимания свободы, тем самым оправдывая его перед судом своего основного закона и по сути обезвреживая его».

Как уже говорилось, для Юнгера вся буржуазная система опирается на идеи рациональности и моральности; к этому добавляется идея безопасности, направленная на исключение «стихийного» и опасного из жизненного пространства; эта последняя идея является наиболее существенной в общей концепции «Рабочего». Однако не забыт и другой сопутствующий момент, а именно господство экономики в буржуазном мире. «Попытка арифметики особого рода превратить судьбу в исчисляемую величину... восходит к тем временам, когда на Таити и на Иль-де-Франс был обнаружен прообраз разумно-добродетельного и, следовательно, счастливого человека, когда дух обратился к подсчетам пошлин на зерно, а математика перешла в разряд утонченных забав для аристократии, клонившейся к упадку. Именно в том времени следует искать образец, получивший впоследствии односторонне экономическое истолкование, согласно которому притязание индивида и массы на свободу было представлено как исключительно экономическое требование в рамках экономического мира». Здесь «рационально-моралистический идеал совпадает с утопическим представлением, и всякая проблема сводится к экономическим требованиям». Это важный момент для понимания основной цели Юнгера. Поскольку всякое восстание, обусловленное чисто экономическими требованиями, легко включить в идейное пространство цивилизации третьего

сословия, это указывает на мнимо революционный, а, следовательно, несущественный характер революционно-социальной диалектики, разработанной левыми движениями. А поэтому для появления гештальта, который, согласно Юнгеру, должен характеризовать новую эпоху, требуется иное пространство. «В рамках этого мира эксплуататоров и эксплуатируемых высшей инстанцией для всякой величины неизбежно становится экономика. Поэтому, несмотря на внешнюю противоположность двух типов людей, двух типов искусства, двух видов морали, не нужно много смекалки, чтобы увидеть, что их питает один и тот же источник. Оба участника экономической борьбы ссылаются в оправдание своих действий на необходимость способствовать прогрессу; они сходятся в своем фундаментальном притязании на роль борца за общественное процветание, и каждый из них убежден, что ему удастся подорвать позиции противника, если он сумеет опровергнуть его право на это звание». Юнгер заключает: «Впрочем, хватит, подобного рода разговоры можно вести до бесконечности. Что действительно важно осознать, так это наличие диктатуры экономической мысли как таковой, которая подавляет возможность всякой диктатуры иного типа и препятствует всему, что могло бы способствовать ее установлению. Действительно, в подобном мире нельзя сделать ни одного движения, чтобы не взбаламутить мутный ил материальных интересов, нет ни одной позиции, с которой можно было бы перейти в наступление... Какой бы из сторон ни удалось одержать победу и достичь господства, она всегда будет подчиняться экономике как вышестоящей власти». Одновременно автор уточняет следующее: «Отрицая экономический мир как жизнеопределяющую силу, то есть как судьбу, мы оспариваем не само его существование как таковое, но отводимый ему ранг». Суть не в том, чтобы оградить дух от всякого участия в экономической борьбе; напротив, можно даже одобрить то, что экономическая борьба «обретает предельную остроту». Но «не экономика должна устанавливать правила игры» – она сама должна «быть подчинена высшему закону борьбы». Преодоление буржуазного мира требует «провозглашения независимости нового человека от экономического мира», что «означает не отказ от этого мира, но его подчинение высшему притязанию на господство».

Впрочем, весь этот круг идей востребован здесь Юнгером лишь для иллюстрации того, что сведение всякого революционного требования к области экономики, его исчерпание в ней, является одним из приемов, который используется заинтересованными лицами для сохранения принципа «общества», для продления, вопреки всему, жизни мира третьего сословия. Осталось разобраться, насколько верны эти идеи Юнгера. С нашей точки зрения, «одержимость экономикой» (миф homo oeconomicus, с соответствующим лозунгом «экономика – наша судьба»), видимо, является точкой перехода между мирами третьего и четвертого сословия. Экономика как «категория», безусловно, принадлежит буржуазному мышлению; и перевод (или истолкование) органических сословных членений, присущих древнему традиционному обществу, – на касты, ордена, сословия (то, что называют немецким словом *Stände*, труд-

недоступным для перевода и часто используемым Юнгером) – в простые экономические классы является одной из характерных черт буржуазного общества. Однако нетрудно заметить, что и через саму экономику пробуждаются «стихийные» силы, которые во многих областях ускользают от буржуазного контроля и иногда становятся почвой для возникновения новых, коллективистских единств.

### **Вторжение стихийного в буржуазное пространство**

Это подводит нас к теме кризисных аспектов буржуазного мира, для изучения которых, согласно Юнгеру, следует сосредоточиться на буржуазном идеале удобной и безопасной жизни, исключаяющей всякое вторжение стихийного.

Понятие стихийного занимает центральное место в книге Юнгера. Как и у других немецких авторов, в устах Юнгера слово «стихийное» не равнозначно простейшему; скорее, речь идет о потенциальных силах, таящихся в глубинах реальности и не поддающихся контролю со стороны разума и моральных установок. Эти силы характеризует трансцендентность – могущая иметь как положительный, так и отрицательный характер – по отношению к индивиду. В этом смысле они подобны природным стихиям. Во внутреннем мире они представлены силами, скрытыми в глубинах психики и способными прорываться на поверхность как в личной, так и в общественной жизни. Когда Юнгер говорит о стремлении буржуазного мира исключить возможность прорывов стихийного, он явно продолжает полемику, разгоревшуюся в результате возникновения различных современных ему течений, от иррационализма, интуиционизма и религии жизни до психоанализа и экзистенциализма, и направленную против рационально-морализаторского подхода к человеку, преобладавшего вплоть до недавнего времени. Однако, как мы увидим, его отношение к этой проблеме существенно отличается от весьма спорной позиции, свойственной большинству вышеупомянутых течений, поскольку его мысль устремлена на активные, светлые, а не упадочные, формы контактов человека со стихийным.

Итак, буржуазный мир постоянно озабочен тем, чтобы «наглухо оградить жизненное пространство от вторжения стихийных сил», «возвести крепостную стену, обороняющую его от стихийного». Именно безопасности жизни требовал этот мир, опорой и оправданием которому должен был стать культ разума; того разума, «для которого все стихийное тождественно абсурдному и бессмысленному». Включение стихийного в существование, со всем проблематичным и рискованным, что оно может нести в себе, для буржуа выглядит немислимимым отклонением, которое необходимо избежать путем соответствующего воспитания человека. Юнгер говорит: «Бюргер никогда не испытывает желания помериться силой с судьбой, ибо стихийное лежит за пределами его идеального мира; оно – неразумно, а, следовательно, безнравственно. Поэтому он всегда будет стремиться держаться от него на расстоянии, независимо от

того, проявляется оно в виде власти или страсти, либо в природных силах огня, воды, земли и воздуха. С этой точки зрения большие города, возникшие на пороге нового века, кажутся нам твердынями безопасности, триумфом стен, уже утративших всякое сходство со стародавними крепостными укреплениями, которые при помощи камня, асфальта и стекла берут в осаду саму жизнь, подобно сотам, проникая в ее сокровеннейшие основы. Здесь всякое техническое завоевание всегда означает триумф комфорта, а любая попытка проникновения стихий регулируется экономикой».

Но для Юнгера аномальный характер буржуазной эры состоит даже не столько в стремлении к комфорту, «сколько в исключительном характере, свойственном этому стремлению; в том, что стихийное оборачивается здесь бессмыслицей, вследствие чего крепостная стена бюргерского порядка одновременно становится крепостной стеной разума». Именно с этого Юнгер начинает свою полемику против бюргерства. Он проводит различие между разумом и культом разума и оспаривает то, что порядок и строгая подготовка к жизни возможны и мыслимы исключительно по рационалистической схеме, в основу которой положена полная закрытость существования от стихийного. Среди приемов, используемых буржуа, Юнгер выделяет тот, целью которого является стремление выдать «всякое наступление на культ разума за наступление на сам разум и благодаря этому свести его к области иррационального». Истина же, напротив, состоит в том, что подобное отождествление возможно только согласно буржуазному видению, то есть исключительно на основании «специфически бюргерского понимания разума, каковое отличается своей несовместимостью со стихийным». Это противопоставление утрачивает свою действенность для нового человеческого типа; помимо прочего, оно реально преодолевается такими фигурами, как, например, «верующий, воин, художник, мореход, охотник, рабочий и даже преступник», то есть всеми теми, к кому буржуа втайне или открыто питает неприязнь, поскольку уже «в складках своих одежд они приносят в город запах опасности, поскольку уже сам факт их присутствия бросает вызов культу разума».

Но «для воина битва является событием, в котором реализуется высший порядок, трагический конфликт для поэта – действием, позволяющим с особой ясностью уловить смысл жизни», в том же преступлении может проявиться блестящий расчет, а «верующий причастен более широкой области жизни, исполненной смысла. Судьба подвергает его испытаниям и опасностям, позволяет ему узреть чудеса, дабы сделать его прямым участником могущественных событий. Боги любят проявлять себя в стихиях, в раскаленных светилах, в громе и молнии, в неопалимой купине». Крайне важно понять, что «человек может вступать со стихийным в отношения как высшего, так и низшего порядка, и на многих уровнях существования безопасность и опасность являются составными частями единого порядка. Бюргера же, напротив, следует понимать как человека, для коего высшей ценностью является безопасность, сообразно которой он и выстраивает свое жизненное поведение». «Идеальное состояние

безопасности, достигнуть которого стремится прогресс, связано с мировым господством бюргерского разума, который призван не просто уменьшить источники опасности, но в конце концов полностью их уничтожить. Для этого все опасное должно быть представлено в свете разума как неразумное, что окончательно лишит его права быть частью реальности. Этому миру довольно важно видеть в опасном бессмысленное; опасность покажется устраненной, если отразится в зеркале разума как ошибка».

«Подобное положение дел мы наблюдаем как в духовных, так и в материальных порядках бюргерского мира», – продолжает Юнгер. «В целом оно заявляет о себе в стремлении рассматривать зыбдущееся на иерархии государство как общество, то есть как форму, которая возникает посредством рассудочного действия и основополагающим принципом коей является равенство. Оно проявляется в сложной организации системы страхования, благодаря которой не только во внешней и внутренней политике, но и в частной жизни все риски делятся поровну; в стремлении уйти от судьбы посредством расчета вероятностей. Наконец, оно заметно в многочисленных и сложных попытках свести жизнь души к причинно-следственным отношениям и тем самым перевести ее из области непредсказуемого в область исчисляемого, то есть включить ее в сферу, освещенную внешним сознанием». Повсюду заметно стремление избежать конфликтов, доказать возможность их улаживания. Учитывая же, что последние, несмотря ни на что, все же вторгаются в жизнь, буржуа считает своим главным делом доказать то, что они возникают исключительно в результате ошибки, «повторения которой можно избежать, благодаря воспитанию или просвещению».

Тем не менее это целиком призрачный мир, и просвещение переоценивает свои силы, веруя в его устойчивость. В действительности «опасность всегда налицо; подобно стихии она вечно стремится прорвать плотину, которой ограждает себя порядок, и по законам тайной, но непогрешимой математики становится тем более грозной и смертельной, чем усерднее порядок стремится ее исключить. Ибо опасность желает не просто быть причастной к данному порядку, но быть самой основой той высшей безопасности, которая никогда не будет уделом бюргера». В общем, если даже удастся изгнать стихийное из какой-либо сферы существования, то «этому положены определенные законы, ибо стихийное не только принадлежит внешнему миру, но и составляет неотъемлемую часть жизни каждого индивида». Человек живет в стихийности одновременно как природное существо и как существо, духовно движимое глубинными силами. «Никакой силлогизм не может заменить биения сердца или деятельности почек; нет ни одной величины, начиная с самого разума, которая время от времени не подчинялась бы низменным или благородным страстям». Наконец, обращаясь к миру экономики, Юнгер отмечает, что «какой бы степени совершенства не достигли методы вычисления, единственным результа-

том коих должно стать счастье, всегда будет сохраняться остаток, ускользающий от всякого анализа, который человек переживает как чувство оскудения и нарастающего отчаяния».

Итак, источники стихийного бывают двоякого рода. «Во-первых, они заложены в мире, который всегда опасен, подобно морю, таящему в себе опасность даже в полный штиль. Во-вторых, они заложены в человеческом сердце, которое жаждет игры и приключений, любви и ненависти, взлетов и падений, которое нуждается в риске не меньше, чем в безопасности; которому состояние полной безопасности по праву кажется состоянием незавершенным». Впрочем, вполне понятно, что эти слова Юнгера относятся к человеку совершенно иного типа, нежели тот, кто стоял у истоков буржуазного мира и кому дорог этот мир.

Следовательно, область буржуазных ценностей можно измерить «тем расстоянием, на которое якобы отступает стихийное». Юнгер всегда говорит «якобы», поскольку стихийное под разными масками находит способ проникнуть в самое средоточие буржуазного мира, прорываясь при каждом его кризисе и подрывая все его разумные устои. Так, он показывает, что уже в прошлом, в частности во времена французской революции, кровавые «браки» между буржуазией и властью были вполне привычным делом. Опасное и стихийное торжествуют «над самой изощренной уловкой, при помощи которой их пытаются заманить в свои сети; нарушая все расчеты, они ухитряются использовать саму эту уловку для маскировки, и это придает тому, что сегодня называют цивилизацией [в буржуазном смысле] крайне двусмысленный характер; всем известно, насколько тесная связь существует между идеалами всемирного братства и гильотиной, между правами человека и массовыми убийствами». Естественно, эти противоречивые ситуации возникают отнюдь не по желанию буржуа, ибо сам он крайне серьезно относится и к разуму, и к морали; «все это больше похоже на ужасную саркастическую насмешку природы над личинами, в которые рядится мораль, на бешеное ликование крови над разумом, берущей свое, когда смолкают красивые речи». Однако особого внимания заслуживает «та виртуозная игра понятиями, при помощи которой бюргер пытается превратить весь мир в отражение собственных добродетелей, лишит слова всего, что есть в них твердого и необходимого, дабы выявить некую мораль, которую должен признать каждый». Этот прием легко прослеживается, например, в области международной политики, «когда захват колоний выдают за операцию по установлению мира или цивилизаторскую миссию, присоединение чужих провинций – за свободное волеизъявление народа, ограбление побежденного – за репарации». вполне понятно, что примеры, приводимые Юнгером, легко умножить фактами недавнего прошлого. Среди наиболее типичных можно вспомнить новые «крестовые походы», трибуналы победителей, так называемую «помощь малоразвитым странам» и т. п.

В этом смысле Юнгер также совершенно прав, когда говорит, что именно эпоха, официально и громогласно проповедующая буржуазные ценности «цивилизации», отмечена явлениями, в реальность которых почти невозможно поверить в столь «просвещенном» мире, – рост насилия и жестокости, организованная преступность, разнузданность инстинктов, массовые убийства. Это наглядный пример «сведения к абсурду утопии бюргерской безопасности». Для иллюстрации этого Юнгер напоминает результаты введения «сухого закона» в Америке: морализаторская попытка, рожденная литературой социального утопизма, казалась приемлемой мерой безопасности, но на деле привела лишь к разжиганию самых низменных стихийных сил. Везде, где государство, строго следуя буржуазному принципу, обращается к абстрактным рационально-моральным категориям и пытается устранить стихийное, это оборачивается активизацией последнего вне его. Моральное и рациональное не являются изначальными законами, это лишь «законы абстрактного духа, – говорит Юнгер. – Всякое господство, пытающееся опереться на них, является мнимым господством и мгновенно выявляет утопичный и эфемерный характер бюргерской безопасности». Этот вывод сохраняет свою правоту сегодня не меньше, чем во время первой публикации «Рабочего». Именно с этим связан один из главных факторов кризиса буржуазного мира, обратная – безобразная, темная и опасная – сторона современных общественных структур, с их кажущейся упорядоченностью и управляемостью, но на деле лишенных как сверхъестественного смысла, так и корней в более глубоких психических слоях.

После первой мировой войны, когда уже был написан «Рабочий», в результате применения подобных принципов – в частности буржуазного понятия абстрактной свободы – в международной политике этот феномен рикошета проявился со всей очевидностью. Всеобщее и неизбирательное распространение принципа национальной демократии только усилило состояние мировой анархии и повело к дальнейшему расшатыванию старого строя в результате восстаний колониальных народов и прочих сил, которые, как в Европе, так и за ее пределами обрели политический суверенитет благодаря принципу самоопределения.

Принципу, распространенному даже на те племена и народности, имена которых, как говорит Юнгер, «были нам знакомы в лучшем случае по учебникам этнографии, но никак не по политической истории. Естественным следствием этого стало просачивание в политическое пространство чисто стихийных движений, принадлежащих не столько истории, сколько естествознанию». Сегодня эта ситуация только ухудшилась.

Для нас, однако, важнее проанализировать духовные стороны нынешнего кризиса системы. Сначала Юнгер упоминает те формы защиты и компенсации, которые ранее уже проявились в буржуазном обществе в виде романтизма.



«Бывают времена, когда всякое отношение человека со стихийным проявляется в виде склонности к романтизму, что является первым признаком внутреннего надлома. В зависимости от обстоятельств этот надлом может выражаться в бегстве в дальние страны, в пьянстве, безумии, нищете или смерти. Все это суть формы бегства, присущие человеку, который, после тщетных поисков хоть какого-либо выхода как в материальном, так и в духовном мире, сдается и складывает оружие. Впрочем, иногда его капитуляция может обрести видимость атаки; так, тонущий крейсер дает вслепую последний залп из бортовых орудий».

«Мы научились ценить тех часовых, которые пали на своем посту, защищая безнадежное дело, – продолжает Юнгер. – Со многими трагедиями связаны великие имена, но есть и другие, безымянные трагедии, когда, как при газовой атаке, от недостатка необходимого для жизни воздуха вымирали целые группы, целые слои общества». Следующие слова автора также подкреплены его личным опытом и отражают те моменты его биографии, о которых мы говорили в начале: «Бюргеру почти удалось убедить сердце искателя приключений, что ничего опасного не существует, что миром и историей правит экономический закон. Но юношам, под покровом тумана или ночи покидающим родительский дом, внутреннее чувство шептало, что в поисках опасности надо бежать в дальние страны, за океан, в Америку, в Иностраный Легион, в те края, куда Макар телят не гонял. Это привело к появлению людей, которые почти не осмеливались говорить на собственном, более высоком языке, будь то язык поэта, ощущающего свое сродство с буревестником, чьи мощные, созданные для бури крылья в чуждой и безветренной атмосфере становятся лишь предметом назойливого любопытства, или язык прирожденного воина, который кажется ни на что не годным, потому что жизнь торгашей внушает ему отвращение».

Решающим, переломным моментом стала первая мировая война. «За ликованием добровольцев, с восторгом встретивших весть о начале войны, – пишет Юнгер, явно вспоминая личные переживания, – стояло нечто гораздо большее, чем простое чувство освобождения для сердец, которым внезапно открылись перспективы новой, более опасной жизни. В нем одновременно таился революционный протест против старых ценностей, безвозвратно утративших свою силу. Отныне течение мыслей, чувств и событий окрасилось новым, стихийным оттенком». Однако здесь наиболее важно, что силой самих обстоятельств начал вырисовываться также особый новый образ жизни. Юнгер указывает на то, что первоначальный энтузиазм фронтовой молодежи во многом еще был рожден идеализмом и обывательским патриотизмом, присущими все тому же буржуазному миру. Но довольно быстро выяснилось, что война требует иных душевных резервов, значительно отличающихся от тех, которые питались источниками подобного рода; то же различие существует между воодушевлением только выступившего в поход войска и «его действиями среди стали и огня на изрытом воронками поле битвы». Испытание огнем обозначило

границы, в которых был оправдан романтический протест. Оказалось, что он «обречен выродиться в нигилизм, ибо, будучи попыткой бегства из гибнущего мира, бунта против него, он сам тем не менее всегда остается обусловленным этим миром». Для того же чтобы стать реальной силой, он должен смениться героизмом особого рода. Здесь заявлена одна из главных тем «Рабочего»: необходимость пройти через зону разрушения, самому оставаясь ему неподверженным. Одинаковый опыт одного и того же поколения имел совершенно разные, почти прямо противоположные последствия: «война сломала одних, другим же близость смерти, огня и крови дала неведомое до сих пор здоровье». Для одних единственной опорой были буржуазные ценности, основанные на ценности индивида и устранении стихийного, для других – способность к новой свободе; именно это развело их по разные стороны. Для описания мироощущения первых Юнгер мог бы воспользоваться следующими словами Э. М. Ремарка, которыми начинается его знаменитая книга «На Западном фронте без перемен»: «Эта книга никого не обвиняет и ничего не доказывает; это только рассказ о поколении, сломленном войной, даже если снаряды его пощадили». Вторых же можно считать предвестниками того нового образа человека, который Юнгер позднее назовет «типом»; человека, которого невозможно сломать, который твердо стоит на ногах благодаря своей способности к активному контакту со стихийным; человека, овладевшего высшими формами ясности, сознания, самообладания, дезиндивидуализации и реализма, которому знакома радость от полной самоотдачи, от максимума действия с минимумом «почему?» и «для чего?» Здесь «пересекаются линии чистой силы и математики»; в пространстве возросшего сознания «становится возможным неожиданное и ранее невиданное усиление первостихий жизни и ее средств».

«В тайных центрах силы, благодаря которой человек одерживает победу над царством смерти, мы встречаем новое человечество, воспитанное в духе новых требований, – говорит Юнгер. – В этом ландшафте лишь с большим трудом удастся отыскать индивида, ибо огнем здесь было выжжено все, не имеющее объективного характера». Происходящие процессы таковы, что всякая попытка совместить их с романтизмом и идеализмом индивидуалистического образца неизменно приводит к абсурду. Для победного преодоления дистанции в «пару сотен метров, где царит механическая смерть», недостаточно абстрактных моральных или духовных принципов, свободной воли, культуры, энтузиазма или слепого опьянения, рожденного презрением к опасности. Необходима новая, целенаправленная сила; бойцовские качества, которые обретают «не индивидуальную, но функциональную ценность». Здесь же проясняются соотношения между точкой разрушения и духовной вершиной существования, здесь рождается предчувствие абсолютной личности. Отношения со смертью преображаются, и «гибель настигает человека в те драгоценные мгновения, когда он подчиняется высочайшим требованиям жизни и духа». Тогда «смерть может стать и высочайшей свободой». Все это составляет естественную, желаемую часть нового жизненного стиля. Перед нами предстают «образцы высочайшей дисциплины сердца и нервов – примеры предельного,

трезвого, почти железного хладнокровия, героического сознания, которое умеет распоряжаться своим телом как простым орудием и, забывая об инстинкте самосохранения, принуждать его к выполнению ряда сложных операций. В охваченных огненным вихрем сбитых самолетах, в затопленных отсеках подводных лодок продолжается не отмеченная ни в одном рапорте работа, которая, по сути, уже пересекла черту жизни». Таким образом, в «типе» соединяются две крайности – с одной стороны, стихийное, действующее в себе и вне себя, с другой, жесточайшая дисциплина, предельное самосознание и объективность, полный контроль при тотальном задействовании собственного существа.

Так, согласно Юнгеру, уже в ходе первой мировой войны возник прообраз той новой «внутренней формы», которая, как мы уже говорили, по его мнению, должна была стать определяющей для будущего человечества, уже за рамками чисто военного опыта и тех отдельных случаев, когда она становилась достижением единиц. Последний кризис буржуазного мира и всех старых ценностей является для Юнгера следствием торжества механико-технической цивилизации, со всеми сопутствующими стихийными формами. Как на современных полях сражения, так и в полностью технизированном мире духовным победителем становится в сущности один и тот же тип. Столь же идентичны по сути внутренний склад и тот вид преодоления, которые требуются в обоих случаях. Так вырисовывается гештальт того, кого Юнгер называет рабочим, *der Arbeiter*, который является идейным преемником «настоящего, непобежденного солдата великой войны».

### **Понятие работы**

Сразу скажем, что выбор понятия «рабочий» для обозначения того человеческого типа, о котором говорит Юнгер, был не самым удачным. Оно легко способно вызвать недоразумения, хотя автор не забывает с самого начала предупредить читателя, что по ходу изложения значение, обычно придаваемое этому слову, претерпит существенные изменения.

Юнгеровский рабочий не тождествен представителю того общественного слоя, с которым обычно связывают это обозначение. Определяющая его «работа», конечно, включает в себя те виды деятельности, которые соответствуют современным формам производства и материального господства, но одновременно превосходит их, поскольку означает прежде всего особый образ жизни. В одном месте Юнгер даже говорит, вполне по-кантовски, что работа имеет не эмпирический, но «интеллигибельный» (ноуменальный) характер, и затем подробно раскрывает ее «метафизику». По его словам, в эпоху работы нет ничего, что нельзя было бы осмыслить как один из видов работы. Работа – это не только производство, но также «атака или оборона потерянных позиций». «Скорость кулачного удара, движение мысли и биение сердца, бодрствование и сон, наука и любовь, искусство и вера, культ и война» – все это работа;

«колебания атома и сила, движущая звездами и солнечными системами», – это также работа. «Рабочий» есть совершенно новый гештальт, наделяющий новым смыслом все проявления жизни, подобно тому, как это делал прежде гештальт рыцаря, обладавший соответствующим мироощущением. В общем, под работой в юнгеровском смысле можно понимать категорию «бытия в действии», относящуюся к человеческому типу, для которого характерна активная, ярко выраженная, действенная связь с чистыми, объективными силами реальности; готовому вступить в новый союз со стихийным в себе и вне себя. Впрочем, сохраняется также специфическое обращение к миру техники, для описания которого Юнгер постоянно прибегает к своей излюбленной формулировке, гласящей, что «техника есть средство, при помощи которого фигура рабочего мобилизует мир». Конечная стадия этой мобилизации связывается с тотальной технизацией и моторизацией, целью которых, однако, являются не столько материальные достижения, сколько господство, бытие в действии, достигаемые путем овладения собственным творением, перед которым склоняется сама природа. Кроме того, «работа» является здесь вполне самодовлеющей величиной, а не производной от экономики, политики или культуры, или им подчиненной; она ценна как образ жизни, который, однако, свойствен не обычному homo [aber, но человеку, ощущающему свою причастность бытию в той мере, насколько он вовлечен в действие. Именно на основании этого, как мы увидим позднее, проводится различие между двумя уровнями работы, которые в терминологии Юнгера соответствуют ее «специальному» и «тотальному» характеру. В своих специальных (точнее даже, специализированных) аспектах работа подчинена условиям собственного продукта; в своем тотальном аспекте она обладает неделимым качеством единичного и всеобъемлющего образа жизни.

Впрочем, догадаться о том, что для Юнгера рабочий не является простой экономической величиной, можно было уже на основании его высказывания по поводу экономики: Юнгер указывал, что, опираясь исключительно на экономику, невозможно вырваться из буржуазного пространства и реально его преодолеть. Так, он находит нужным уточнить, что, хотя в промышленном рабочем и следует признать человеческую породу особой закалки, «благодаря которой стала окончательно понятна невозможность сохранения прежних форм жизни», тем не менее ориентация исключительно на Него кончалась тем, что мы «обращали свой взор не на сам гештальт, но лишь на одно из его проявлений». Юнгеровский рабочий не является представителем класса в понимании революционной диалектики XIX века; еще меньше общего у него с пролетарием, с тем типом, единственное отличие которого от буржуа состоит лишь в том, что он не носит белого воротничка. Он не тождествен четвертому сословию. Для Юнгера «класс» есть чисто буржуазная категория, и в стремлении представить революционные требования рабочего как классовые он видит уловку, к которой прибегает буржуа, желая втиснуть представителей нового человечества в свой мир, в рамки «общества», втянуть его в систему сделок,

соглашений и договоренностей. Юнгер говорит, что рабочего пытались «сделать предметом новой сентиментальности, отличающейся от прежней лишь возросшей мелочностью». Поэтому «проницательному человеку остается лишь удивляться простодушию тех, кто уверовал в возможность свержения буржуазного мира при помощи требований, которые только укрепляли его», то есть экономических, классовых требований, являющихся простым расширением буржуазного идеала свободы. Но там, где на смену рабочему в обычном понимании приходит юнгеровский рабочий, мы имеем дело с новой реальностью, революционный характер которой обусловлен не бунтарскими устремлениями и показной оппозиционностью, но ее сущностной инаковостью по отношению к прежним формам и ценностям. Это уже не «протест против угнетения, но новое чувство ответственности». Именно это чувство позволит нам распознать черты «замаскированного движения господ» в тех движениях, которые буржуа, независимо от того, является он их противником или сторонником, всегда оценивает как восстание рабов.

Итак, все вышесказанное подтверждает, что для Юнгера понятие «рабочий» имеет крайне своеобразное значение. Даже когда он обращается к обычному типу современного рабочего, необходимо постоянно помнить его слова, направленные против омещанивания этого типа, о «необходимости такого поведения, которое делало бы человека достойным звания рабочего». Этот момент представляется нам крайне важным. Не принимая в расчет советско-коммунистического пространства, поскольку мы не располагаем достаточными сведениями о том, что там происходит на самом деле, легко заметить, что в так называемых «свободных странах» почти единственной целью, которую марксистская пропаганда ставит перед «трудящимися», является овладение буржуазным образом жизни, то есть достижение такого социально-экономического благосостояния и комфорта, которые до недавних пор были недоступны рабочему как представителю угнетенных и обездоленных классов. Эта пропаганда даже не задумывается о возможности альтернативного образа жизни, который, опираясь на иной смысл существования, предполагает также более значительные трудности, более суровые обязанности, максимальную пробужденность собственного бытия. Одновременно с этим в некомунистических странах Запада, особенно в Америке, омещанивание рабочего и его потребностей заметно с первого взгляда, причем этот процесс постоянно усиливается, несмотря на незначительные колебания, вызванные состоянием экономической конъюнктуры и международной политической обстановкой. Между тем юнгеровский рабочий, напротив, отвергает идеалы буржуазного процветания, не уклоняется от суровой и даже рискованной жизни, готов взять ее на себя, обладает стилем, выработанным чувством тотальной задачи. Возможно, наиболее подходящей формулой для высших форм работы, как мыслит ее Юнгер, стала бы реализация абсолютной личности. Как мы увидим чуть дальше, вершиной юнгеровского мира труда является достижение новой экзистенциальной целостности «по ту сторону противопоставлений идеи и материи, крови и духа, индивида и коллектива, власти и права». Рабочий обнаруживает, что

«жизнь и культ составляют одно целое», что «существуют вещи куда более важные, чем начало и конец, жизнь и смерть». Эти основные темы удачно определяются формулой «героического реализма», «далекого как от материализма, так и от идеализма».

### **Доктрина гештальта**

Юнгер говорит о новом типе как о гештальте, Gestalt. Особое значение, в котором употребляется здесь это понятие, заимствовано из органической философии или философии целостности (Ganzheitslehre). Принцип этой доктрины, которая пользуется значительной популярностью в Германии, заключается в том, что «целое больше суммы составляющих его частей», а «гештальт» понимается в ней как прообраз, или архетип, как нечто подобное платоновской идее, которая сама создает собственную форму, пребывающую в видимом пространстве, подобно «оттиску, оставленному печатью». Юнгер говорит, что буржуазный мир «никогда не имел отношения к миру гештальтов. Он растворяет все в идеях, понятиях или голых явлениях, и полюсами этого текучего пространства становятся рассудок и чувство». В новом же мире возвратятся к мышлению гештальтами. Только тогда станет возможным познание «всего сущего в полноте и единстве его жизни». Гештальты не обусловлены исторически; напротив, они сами определяют историю, которая становится сценой их появления, смены, союзов или борьбы. «История не порождает гештальты, но сама изменяется вместе с ними». Именно возникновение того или иного гештальта придает каждой культуре ее неповторимый облик. Гештальты не становятся, не развиваются, не являются продуктами эмпирических процессов или горизонтальных причинно-следственных связей. Поскольку речь идет о чистых модусах экзистенции, к ним не применимы моральные или эстетические оценки. Процесс их возникновения подобен революции sans phrases, безмолвной и необоримой, говорит Юнгер. Он пишет: «Индивид включается в сложную иерархию гештальтов; сил, чья реальность, пластичность и необходимость остается недоступной обычной мысли. Сам индивид становится их символом, выражением, а мощь, богатство и смысл его жизни зависят от степени его причастности к порядку и борьбе гештальтов». «Подлинные гештальты узнаются по тому, что им можно посвятить все свои силы; они могут становиться предметами как высочайшего почитания, так и крайней ненависти. Охватывая собой все, они требуют взамен столь же полной самоотдачи. Повсюду, где человек открывает вместе с гештальтом свое предназначение, свою судьбу, это открытие делает его способным на жертву, высшей формой которой является кровавая жертва». «Отдельный человек как гештальт больше суммы своих сил и способностей; глубже, чем сам может осознать себя в глубочайших мыслях, могущественнее, чем сам способен выразить себя в своих величайших деяниях». Юнгер добавляет: «Быть воплощением гештальта ничего не обещает; в лучшем случае, это знак того, что жизнь вновь

находится в стадии восхождения, обладает достоинством и создает себе новые символы».

Таким образом, идея гештальта по сути ведет к усилению понятия «личность» в противоположность раздробленному индивиду. Для Юнгера, он ведет к «новой, более отважной жизни, к разрушению ценностей властвующего духа отчуждения и того воспитания, которому подвергла человека бюргерская эпоха», к «пересмотру жизни сквозь призму бытия», к уверенности в том, «что инстанции абстрактной справедливости, свободного исследования, совести художника должны быть оправданы более высокой инстанцией, чем те, которые вообще мыслимы в мире бюргерской свободы».

Согласно Юнгеру, рабочий обладает этим достоинством «гештальта». Мир техники возвещает о появлении нового гештальта, «рабочего»; именно в этом состоит его основание и оправдание, поскольку гештальт по необходимости стремится создать себе собственный тип для воплощения. Человек как рабочий мыслится как гештальт в иерархии гештальтов. Подобно любому другому, гештальт рабочего «укоренен в бытии глубже и надежнее всех символов и порядков, которые могут его удостоверить, глубже, чем дела и конструкции, люди и их сообщества, кои подобны переменам в выражении лица, основной склад которого, однако, остается неизменным».

Таким образом, доктрину гештальта можно назвать «метафизикой» мира рабочего.

### **Рабочий и сверхчеловек**

Легко заметить веяние, которое оказало на Юнгера творчество Фридриха Ницше. Действительно, даже с исторической точки зрения новая эпоха, по мнению нашего автора, подготавливается двумя сходящимися, несмотря на их внешнюю противоположность, процессами, а именно: «с одной стороны, крайним усилением индивида, уже ранее предугаданным в образе сверхчеловека, с другой, образованием коллективных муравейников, где единственной целью жизни объявляется совместный труд, а стремление к своеобразию оценивается как незаконное притязание на личную жизнь». Поэтому имеет смысл вкратце рассмотреть, в каких отношениях находятся между собой концепция Юнгера в целом и учение Ницше.

Чертой, роднящей сверхчеловека и «рабочего», является то, что оба они уже оставили за собой «нулевую точку ценностей» (подразумевается: буржуазных ценностей). Однако путь сверхчеловека оказывается тупиковым. Юнгер признает, что ницшеанская доктрина воли к власти стала для нашей культуры поворотным моментом. Но на практике «жизнь не смогла бы выдержать и мгновения в этой более крепкой и чистой, но одновременно смертоносной атмосфере пананархического пространства, не погрузившись тут же в бурные воды

приливов и отливов, как носительница особой воли к власти, преследующей собственные цели». Так возникает «вопрос о легитимации, то есть особом, необходимом и лишенном произвола отношении к власти, решение которого можно считать задачей, стоящей перед человеком. Именно эта легитимация позволяет бытию проявить себя уже не как стихийную, но как историческую силу». Для Юнгера «как нет абстрактной свободы, так нет и абстрактной власти». Степень легитимации равна степени «господства» (Herrschaft), достигаемого посредством воли к власти, где под «господством» Юнгер понимает «состояние, в котором точкой отсчета для безграничного пространства воли становится точка, благодаря которой оно превращается в пространство права». «Чистая воля к власти, напротив, легитимирована столь же мало, как и воля к вере; обе эти позиции, как две ветви романтизма, отражают не чувство полноты, но ощущение лишенности». Можно сказать, что в типе рабочего сверхчеловек и воля к власти утрачивают свои анархические, нигилистические и индивидуалистические измерения; а соответствующее «стихийное» измерение, хотя и сохраняется, но проявляет себя в строгих рамках безличных и точных объективных форм. Действительно, конечной целью для Юнгера является мир порядка и бытия, а не бесформенной власти.

Юнгер считал, что тема сверхчеловека не ограничивается исключительно рамками ницшеанской философии. Он находит ее «в истории географических и космографических открытий, в изобретениях, тайным смыслом которых является воля к всемогуществу, вездесущести, всеведению, дерзкое *eritis sicut Deus*; ее можно обнаружить даже в прогрессистских теориях, если отбросить в сторону их просветительские и материалистические аспекты. И у прогресса есть свой «задний план», и ему знакомо «опьянение познанием, рожденное не столько логикой, сколько чувством гордости за технические открытия, за достигнутую безграничную власть над пространством, в чем угадывается сокровеннейшая воля к власти, для которой все перечисленное является лишь оружием, предназначенным для еще неведомых битв и восстаний; именно в этом состоит его основная ценность и именно поэтому оно заслуживает более бережного ухода, чем когда-либо уделял своему оружию воин». Но здесь снова возникает проблема оправдания, или, как называет это Юнгер, легитимации. Легитимация нового типа должна выразиться в реальной способности контролировать зарождающийся мир. «Дух словно опередил самое себя в накоплении материала, который еще только ожидает власти, способной его упорядочить. В результате возникло беспорядочное нагромождение фактов, орудий власти и возможностей развития», а, следовательно, проблематичность нынешнего положения обусловлена также тем, что, «поскольку этой власти еще нет, мы живем в эпоху, когда средства кажутся важнее человека».

Второе отличие юнгеровской теории рабочего от ницшеанского учения состоит в следующем. В теории рабочего власть подчинена «бытию», а это, в свою очередь, является естественным следствием отказа от абстрактной и анархической концепции воли к власти. Юнгер постулирует: «Неразрывную связь



власти с прочным и четко определенным жизненным единством, с неопровержимым «бытием», выражающим себя непосредственно в умении повелевать, без которого ношение властных регалий теряет всякий смысл». Поэтому «инаковость природы рабочего, своеобразие его бытия, которое мы обозначили как его гештальт, гораздо важнее форм искомой власти.

Само это бытие и есть власть в совершенно особом смысле; это изначальный капитал, вкладываемый как в государство, так и в мир, который сам организует себя и создает собственные понятия». Устранение индивидуалистического момента подтверждается также следующим пассажем: «Одним из характерных признаков позиции, имеющей действительное отношение к власти, является то, что она воспринимает человека не как цель, но как средство, как носителя не только свободы, но и власти. Человек достигает наибольшей силы в служении. Тайна истинного языка приказа в том, что он не обещает, но требует. Человек обретает глубочайшее счастье в самопожертвовании, а высочайшее искусство приказа состоит в том, чтобы указывать цели, достойные жертвы». Довольно легко усмотреть связь между этим очищенным ницшеанством и тем путем, который Юнгер считает единственно возможным для подлинного преодоления буржуазного понимания свободы. В мире рабочего «право на свободу проявляется как право на работу [работу, как всегда, следует понимать не в текущем, экономическом значении как простое средство пропитания, но в юнгеровском смысле]. Более чем очевидно, что в мире, где звание рабочего обладает высочайшим достоинством, работа воспринимается как внутренняя необходимость, и сама свобода проявляется как право на труд. Только когда право на свободу обретает подобную форму, можно говорить о господстве рабочего, о наступлении его эпохи».

Точно так же в более узкой общественно-политической области «важен не приход к власти нового класса, но то, что новое человечество, подобно всем другим «гештальтам» истории, наполняет определенным смыслом властное пространство. Поэтому мы отказываемся видеть в рабочем представителе нового «общества» и новой экономики. Рабочий есть либо ничто, либо нечто большее сравнительно с подобным определением; он является представителем определенного гештальта, действующего по собственным законам, следующего собственному призванию и причастного особой свободе <...> Жизнь рабочего либо станет автономной, будучи прямым выражением его бытия и тем самым господства, либо останется обычной попыткой урвать свою долю старых прав и пресных наслаждений ушедшей эпохи».

Здесь стоит отметить интересную транспозицию уровня, которую претерпевает столь избитый лозунг современной социальной идеологии, как право на труд. Кроме того, положительные моменты, отмеченные Юнгером, определяют границы концепции воли к власти, подчиняют волю понятиям бытия и гештальта и предполагают переход к принципу служения, благодаря которому рабочий становится единственно возможным наследником прусской этики долга, то

есть этики, в которой стихийное мыслится укрощенным. Образно говоря, рабочий вылеплен из того же сырья, что и ницшеанский сверхчеловек, но в отличие от последнего он стремится преодолеть великий кризис ценностей посредством перехода от уровня бесформенного к уровню формы. В этом смысле можно даже говорить о наступлении «безмятежной анархии, тождественной строжайшему порядку; зачатки подобного состояния можно наблюдать на полях великих сражений и в гигантских городах, картины которых ознаменовали начало нашей эпохи». «Пройдя школу анархии, разрушения старых уз, [рабочий] должен осуществить свое право на свободу в новом времени, в новом пространстве, путем создания новой аристократии».

### **О переходной стадии**

Из вышеизложенного нетрудно понять, что Юнгер поочередно рассматривает две различные области: сферу наличной действительности, которой он пытается дать свое истолкование, и область действительности становящейся, черты которой, как ему кажется, он предугадывает. Текущий же период описывается как переходная эпоха. Там, где речь идет о наличной действительности, процесс этого перехода имеет принудительный характер; с одной стороны, претерпевает его, с другой, принимает его на себя и стремится сообразовать с ним собственную свободу, переходя от уровня «как оно есть», к тому, «как должно быть». В качестве одного из признаков новой свободы автор указывает «уверенность в причастности к сокровенным детородным силам времени; уверенность, которая чудесным образом подстегивает мысли и дела и благодаря которой свобода деятеля осознается как особое выражение необходимости. Это сознание, в котором линии судьбы и свободы скрещиваются в моменты исключительной опасности, является знаком того, что жизнь еще не утратила своей силы, и ощущает себя субъектом исторической власти и ответственности». Там, где возникает подобное чувство, «вторжение стихийных сил выглядит как наступление конца, в котором, однако, сокрыт переход к чему-то новому. Чем сильнее и безжалостнее пламя, в котором сгорает обветшавшая действительность, тем стремительнее, легче и решительнее будет новое наступление».

Юнгер признает: «Мы живем в таких условиях, что, если не бросаться пустыми словами, довольно трудно понять, что сегодня вообще достойно желания». Поэтому «необходимо перейти ту точку, в которой более желанным покажется ничто, чем что бы то ни было, позволяющее в себе усомниться». «Выбор правильной позиции для индивида сегодня осложняется тем, что он находится на передовых рубежах борьбы и работы. Необходимо научиться удерживать эти рубежи, оставаясь в живых, будучи не только объектом, но и субъектом судьбы, постигая жизнь не только как царство необходимости, но и как пространство свободы... Как только человек осознает себя господином и субъектом новой свободы... независимо от обстоятельств, в которых приходит к нему

это осознание, его состояние меняется коренным образом. В результате многое из того, что еще сегодня кажется желанным, мгновенно утрачивает свое значение». Автор добавляет: «Только со временем и исключительно благодаря поэтическому искусству нам удастся уловить внутренний, бесспорный смысл поединка среди адского огня, прицельно изрыгаемого механизированными монстрами; точно так же нам трудно распознать отношения, связующие гештальт рабочего с миром работы, символом которого в условиях войны является огненный ландшафт». «То, что мы видим сегодня, это не окончательный порядок, но, скорее, хаос, за которым можно угадать великий закон», – говорит Юнгер. Этот трагический аспект нашего времени почти полностью ускользнул от многочисленных попыток его истолкования, которые учитывали исключительно материальные силы и столкновение интересов. «Сколько ума, сколько веры, сколько жертв расходуется в этих схватках; это зрелище поистине было бы невыносимым, если бы каждая из них не имела собственного смысла в рамках общей операции. Действительно, каждый удар, даже наносимый вслепую, подобен движению резца, который решительно высекает из бесформенной глыбы ту или иную черту лица нашего времени. Возросшие масштабы нужды и опасности, распад старых связей, лихорадочный характер любой деятельности постоянно увеличивают расстояние между одиночными позициями, вызывая у человека чувство затерянности в непроходимых дебрях идей, событий и интересов. Различные системы, пророчества и призывы к вере чем-то напоминают вспышки прожектора, который на мгновение высвечивает предмет, словно только для того, чтобы сразу же погрузить все в еще более глубокий мрак, усилить чувство неуверенности... Крайне поучительным сегодня является знакомство с так называемыми передовыми умами нашего времени; при этом более всего поражает та степень направленности и закономерности, которую, вопреки этим умам, сохраняет наше время».

Таким образом, здесь проясняется, что именно является краеугольным камнем для всего круга идей, развиваемых Юнгером, – вера в метафизику, в положительный смысл, скрытый в современном мире, взятом во всей его совокупности, включая даже его упадочные, механизированные и разрушительные аспекты. Он спрашивает себя: «Возможно ли осознать эту новую свободу, понять свою причастность к переломной эпохе не только умозрительно, но и экзистенциально, среди грохота машин в механической суতোлке городов?» И отвечает: «Помимо множества примет, подтверждающих эту возможность, мы думаем, что именно это осознание является необходимой предпосылкой всякого истинного действия и основой тех грядущих преобразований, о которых не мог мечтать ни один спаситель». «Конечно, довольно трудно научиться сохранять уверенность в ситуации, имеющей на первый взгляд чисто динамический характер, при полном отсутствии всяких координат; но именно это умение является признаком той позиции, у которой есть будущее». Описывая в особом ракурсе механизированный мир, Юнгер добавляет: «При виде этого движения, сохраняющего вопреки всему свою монотонность подобно тибет-

ским молитвенным мельницам, этих порядков, напоминающих своей строгостью геометрические контуры пирамид, этого количества жертв, которое не снилось ни одной инквизиции, ни одному Молоху, и число которых с убийственной неотвратимостью продолжает расти с каждым днем; разве при виде всего этого укроется от зоркого взгляда, что под покровом причинно-следственных связей, которым окутаны битвы нашего времени, здесь вершат свое дело культ и судьба?» Метафизическим элементом является неподвижность, скрытая за движением. «Чем стремительнее движение, тем острее должно быть наше ощущение скрытого за ним недвижимого бытия, чувство того, что всякое ускорение есть лишь перевод с вечного праязыка». Юнгер верит, что «в те мгновения, когда никакие цели и намерения не тревожат нашего чувства», он улавливает в этом движении «безмятежную силу, предшествующую всем формам. Так, иной раз, когда вокруг внезапно стихает стук молотков и грохот колес, нас охватывает почти физическое ощущение покоя, скрытого за переизбытком движения, поэтому можно считать добрым обычаем нашего времени привычку на некоторое время, словно повинувшись приказу сверху, прекращать работу, чтобы почтить умерших или запечатлеть в памяти особо значимые мгновения. Ведь и само это движение на самом деле является лишь символом более глубокой силы... Оцепенение, охватывающее нас при его внезапной остановке, по сути, равнозначно оцепенению нашего слуха, которому вдруг на мгновение чудится, что он улавливает те глубочайшие источники, которые питают ход движения во времени, что придает этому действию достоинство обряда».

## МИР ТЕХНИКИ

### **Работа и техника как революционные силы**

«Рабочий» состоит из двух частей. Первая посвящена изложению общих идей, о которых мы говорили до этого момента. Вторая имеет более специализированный характер. В ней уточняются те формы, при помощи которых работа пытается утвердить себя в качестве основополагающей категории современного мира; анализируется специфическая природа тех разрушений, которые порождает этот новый принцип; и наконец рассматриваются те структуры, благодаря которым проясняется конечный смысл и направление всего процесса в целом. К сожалению, изложение не систематизировано, изобилует повторениями, констатация существующего положения дел нередко смешивается с необоснованным утверждением спорных возможностей. Поэтому мы попытаемся, насколько это возможно, упорядочить основные идеи, затронутые во второй части книги.

Мы уже знаем, что для Юнгера работа, во-первых, является образом жизни, способом бытия («рабочий, заброшенный бурей на необитаемый остров,

остался бы рабочим, точно так же, как Робинзон остался в подобной ситуации бургером»); во-вторых, она не имеет того морально-общественного значения, которое заложено в поговорках типа «работа и труд все перетрут»; и наконец, несмотря на возможность ее экономической интерпретации, она «не тождественна экономике, но, напротив, решительно превосходит все, имеющее отношение к экономике». Теперь к этому добавляется то, что не существует абстрактной работы, как ее представляли себе социологи XIX века. Сегодня «работа» означает нечто специфическое: «не деятельность как таковую, но выражение особого бытия, которое стремится заполнить собой время и пространство, создать собственный закон». Так, нам раскрывается тот аспект работы, в котором отдых и досуг перестают быть ее противоположностью; в качестве примера автор приводит современные разновидности досуга: спорт, «рабочий» характер которого очевиден, и различные формы времяпрепровождения, которые, даже приобретая игровые аспекты, не являются реальной противоположностью работы, но сохраняют с ней связь как особый вид бытия в действии. В частности, Юнгер указывает также на стремительное стирание различий между рабочими и праздничными днями, в том смысле, как последние понимались в традиционном обществе.

Принцип работы царит сегодня не только в практической жизни, но и в области мышления, и в научных системах. «Если, например, принять во внимание те методы, при помощи которых современная физика пытается трактовать материю, стремление биологии обнаружить потенциальную энергию жизни за ее переменчивыми проявлениями, усилия психологии истолковать сон и сновидение как различные формы деятельности, то придется признать, что здесь мы имеем дело не с чистым познанием, но со специфической формой мышления. Эти системы заявляют о себе как системы рабочего», и именно характер рабочего «определяет создаваемую ими картину мира... Они приобрели иной смысл; по мере снижения значимости чисто познавательного аспекта в них все ярче проявляется особый характер власти». Эти идеи Юнгера можно было бы легко подкрепить новейшими примерами из области эпистемологии или критики научного метода познания, нацеленной против того чисто прагматического и практического характера, который присущ даже самым абстрактным направлениям современной науки. Прямо или косвенно все они сформированы не принципом бескорыстного познания, но принципом действия и эффективности, а, следовательно, согласно терминологии Юнгера, принципом «работы».

Естественно, между современным принципом работы и миром техники существуют теснейшие связи. Однако, согласно Юнгеру, чтобы их разглядеть, необходимо отказаться от понятия абстрактной техники. Для понимания современной техники необходимо учитывать особую волю и стоящий за нею гештальт, ибо в противном случае любые технические средства «останутся всего лишь игрушками». Мы уже знакомы с излюбленной формулой Юнгера: «техника есть способ, при помощи которого гештальт рабочего мобилизует

мир». С этой точки зрения техника приобретает совершенно иное значение, нежели то, каким она обладала в прогрессистских социологических системах конца XIX–начала XX века; она приобретает глубоко и «экзистенциально» революционный характер; ее триумфальное шествие «оставляет за собой горы трупов и растоптанных символов», а по мере последовательного, незримого утверждения нового гештальта расширяется и пространство разрушения.

Юнгер рисует нам картину современных крупных городов, где возрастающее с каждым днем движение неумолимо затягивает всех и вся. «Это зловещее и однообразное движение; сплошная круговерть механических масс, стиснутых в монотонном бурлящем потоке, регулируемом звуковыми и световыми сигналами. Печать сознания, строгой рациональности придает этому непрерывному круговращению, напоминающему ход часового механизма или мельницы, видимость порядка... Этот тип движения свойствен не только лучшему холодом искусственному мозгу, созданному человеком... Он заметен повсюду, куда проникает взор, – не только в средствах сообщения, чья скорость механического преодоления расстояний стремится достигнуть скорости пули, но и во всякой деятельности как таковой»; он царит на полях и в шахтах, в мелких мастерских и на крупных предприятиях; не обходит ни научные лаборатории, ни коммерческие офисы. «Он имеет силу как там, где действуют и мыслят, так и там, где сражаются и развлекаются... Это сколь примитивный, столь и всеобъемлющий голос самой работы, стремящийся перевести на свой язык все, что можно помыслить, почувствовать и пожелать». Природа этого языка, по сути, механистична. Но для Юнгера важнее показать, что в новом пространстве «старое деление на механическое и органическое более не работает». «Здесь причудливым образом стираются все границы, и бесполезно предаваться праздным размышлениям о том, жизнь ощущает растущее стремление выражать себя механическим языком или же некие силы, действующие под механическими масками, втягивают живую реальность в орбиту своих интересов». Впрочем, одно не исключает другое. «Каковы бы не были причины этого смещения и как бы мы к нему не относились, нет никаких сомнений относительно его неотвратимой реальности».

Таким образом, Юнгер уделяет надлежащее внимание моменту, почти ускользнувшему от внимания других критиков современного мира, которые, исходя из мнимо нейтрального характера современной техники, то есть оценивая ее исключительно как средство, прошли мимо роковых последствий ее применения. Всякая форма жизни обладает собственной техникой, единственно ей соразмерной и родственной, говорит Юнгер. Поэтому «заимствование чужой техники равнозначно признанию вассальной зависимости, что может иметь еще более тяжкие последствия, когда речь идет о духовной сфере». Современную, то есть машинную, технику «следует понимать как символ определенного человеческого типа, поэтому, если ее использует другой тип, он тем самым как бы начинает служить чужим богам». Юнгер сосредоточивает свои доводы на том, что поскольку подобная техника имеет органическую и естественную

связь с гешталтом рабочего, она разрушительна для всякого другого гештальта и ее внедрение равнозначно прямой атаке на все старые отношения. Этим же объясняется инстинктивное отвращение к технике, которое поначалу питали последние представители основных сословий (Urstände), на которые делилось традиционное общество до наступления буржуазной эпохи: священники, воины и крестьяне. «Истинный воин крайне неохотно использует новые боевые средства, предоставляемые техникой. В современных армиях, вооруженных по последнему слову техники, сражается уже не сословное рыцарство, ибо рыцарь как представитель определенного сословия, используя эти средства, перестает быть таковым; современная армия есть форма, в которой выражает себя гештальт рабочего в условиях войны. Точно так же, казалось бы, ни один христианский священник не должен сомневаться в том, что электрическая лампочка, заменившая собой неугасимую лампаду, является чисто техническим усовершенствованием и никак не связана с сакральным. Однако поскольку нейтральной, абстрактной техники не бывает, совершенно очевидно, что здесь должно действовать иное влияние. Поэтому те верующие, которые продолжают отождествлять царство техники с царством сатаны, выказывают более верный инстинкт, чем те, кто устанавливает микрофон рядом с Телом Христовым. Равным образом, повсюду, где крестьянин пользуется машинами и моторами, более нельзя говорить о крестьянском сословии. Крестьянин, который начинает обрабатывать поля не лошадьми, а «лошадиными силами» утрачивает свою сословную принадлежность. Он также становится рабочим в своей частной области и вносит не меньший вклад в разрушение сословного порядка, чем его предки, напрямую перешедшие к индустриализму. Поэтому перед ним столь же неотвратимо, что и перед промышленным рабочим, встает новая проблема: либо он станет воплощением гештальта рабочего, либо исчезнет».

Тот удар, который наносит техника традиционным историческим единствам, проявляется также в условиях войны. По словам Юнгера, на самом деле в современной войне линия разделения фронтов пролегает в метафизическом измерении иначе, чем это представляется воюющим; точно так же огонь, обрушивающийся с обеих сторон на головы сражающихся солдат, в действительности направлен против одной цели. Современная война, рассматриваемая как технический процесс, ломает нечто большее, чем просто физическое сопротивление побежденной нации. На ней идет невидимая атака против пользователей техническими средствами. На войне народы и государства во многом перестают быть тем, что они представляли собой в мирное время; они обретают форму рабочих единств. Здесь идет призыв, мобилизация и активизация сил, которые заходят гораздо дальше поставленных целей. Но «если в центре действия, в эпицентре разрушений, каковой, однако, сам остается неповрежденным, мы сумеем разглядеть гештальт рабочего, нам откроется единый характер и четкая логика самого разрушительного процесса». Поэтому нет ничего удивительного в том, что в результате великой войны последние

остатки старых режимов, в частности монархических и династических, рухнули как карточный домик, а вместе с монархами исчезли прежние привилегии каст и сословий; впрочем, и возможность сохранения того же буржуазного образа жизни становится сегодня все более сомнительной.

В общем с появлением технических символов прежнее пространство молниеносно превращается в пустыню, из него исчезают все прежде наполнявшие его духовные силы, принадлежащие как микро-, так и макрокосму. Техника, говорит Юнгер, «столь разрушительна для всякой старой веры, что эту ее черту можно считать просто побочной». «Все попытки церкви говорить языком техники лишь приближают ее закат в ходе общей секуляризации». Когда выяснилось, что техника двулика, подобно Янусу, когда она сбросила с себя маску, благодаря которой в ней видели исключительно орудие прогресса, помогающее человечеству достичь нравственного и интеллектуального совершенства; когда стало понятно, что она одинаково готова служить и добру, и злу, а военное использование ее средств подтолкнуло человечество к невиданным ранее катастрофам, вслед за традиционными религиями потерпела крах и мирская религия нашего времени, оптимистический культ прогресса XIX века.

В наше время только область техники не выказывает симптомов упадка, что «явно выдает ее принадлежность к иной, более значительной системе отсчета», а именно к новому миру, в центре которого стоит гештальт рабочего. За короткое время, прошедшее с первой мировой войны, благодаря соблазнительному языку комфорта, рациональности и могущества «ее символы проникли в самые глухие уголки земного шара куда быстрее, чем тысячу лет назад крест и колокол – в лесистые и болотистые земли германцев». «Там, куда проникает объективный язык этих символов, старый закон жизни терпит крах; из действительности он вытесняется в область чистого романтизма».

Подытоживая, Юнгер пишет: «Весь круг земной усеян обломками разбитых картин. Мы – свидетели конца, сравнимого по своим масштабам с геологическими катастрофами. Поэтому не стоит попусту тратить время, решая, к кому примкнуть – к побежденным, раздавленным пессимизмом, или к победителям, лучащимся наносным оптимизмом». Куда важнее научиться «браться за клинок так, чтобы не пораниться о его лезвие». Важно научиться видеть. «Мы имеем дело с одной из тех материальных революций, которые совпадают с появлением новых рас, успешно овладевающих магией новых средств, таких как бронза, железо, лошадь, парус. Подобно тому, как конь обретает смысл только благодаря всаднику, железо – кузнецу, корабль – навигатору, так и метафизика технического инструментария раскроется только в момент появления расы рабочего как превосходящей его величины».



## Атака на индивида. Тип

Наиболее заметным аспектом текущих процессов является их разрушительный характер, равно затрагивающий оба полюса буржуазного мира – как индивида, так и массу. Именно эта их отрицательная сторона прежде всего привлекает внимание. Поскольку от большинства ускользает конечное направление всего процесса в целом, то в глаза бросается скорее то, что попадает под удар или пытается оказать безнадежное сопротивление, нежели силы, которые успешно развивают свое наступление. Так, сегодня «нет недостатка в системах, принципах, учителях и мировоззрениях, но их общедоступность кажется крайне подозрительной. Их число становится тем больше, чем больше слабость испытывает потребность в сомнительной безопасности. В этом спектакле участвуют шарлатаны, обещающие заведомо невыполнимое, и пациенты, жаждущие здоровья, искусственно поддерживаемого в санаторных условиях. Наконец, всех страшит скальпель, от которого, тем не менее, не уйти никому. Нам следует осознать, что мы рождены в ландшафте изо льда и огня. За прошлое уже нельзя ухватиться, а становящееся таково, что к нему невозможно приспособиться». Единственно приемлемой позицией в подобной ситуации является реалистический героизм.

Для этого необходимо провести передислокацию на те участки фронта, где не обороняются, а нападают, нужно обеспечить себя «резервами, укрытыми надежнее, чем под бронированными сводами. В бою лучшим укрытием для знамени является собственное тело. Возможны ли вера – без догм, мир – без богов, знание – без максим, бывает ли отечество, на землю которого никогда не ступит нога оккупанта? Этими вопросами человек может сегодня проверить на прочность свое оружие», учитывая, насколько «мы еще далеки от того единства, которое могло бы обеспечить нам новую уверенность и стать основой новой иерархии».

Говоря о закате индивида, Юнгер сначала указывает на то, что человек, которому довелось пройти через этот непрерывно меняющийся мир, часто с удивлением замечает, что ни одна конкретная личность, ни одно конкретное лицо не запечатлелись в его памяти. В этом изменчивом мире «отдельный человек утрачивает уже не только достоинство личности, но и качество индивидуума; остается лишь масса как некая сумма индивидов». Везде, где бы мы ни сталкивались с массой – в политической, практической, профессиональной жизни, на отдыхе или там, где она, «подобно колоннам муравьев, движима уже не собственной волей, но автоматической дисциплиной», – мы все яснее осознаем то, что «она начинает представлять собой иную структуру».

«Хотя само время сводит к минимуму различия между индивидами, вдобавок к этому наметилось особое пристрастие к однообразию в мыслях, чувствах и поступках». Все сохранившееся от традиционного сословного деления общества (в одежде, жестах, языке, поведении) кажется безнадежно устаревшим,

имеет характер остаточных форм, лишенных содержания. «Различение индивидов по классам, кастам или даже по профессиям стало, по меньшей мере, затруднительным». Поэтому, все усилия навести порядок в какой-либо области – этической, социальной или политической, – опираясь на старые сословные членения, обречены на провал, ибо в результате мы откатываемся с передовых рубежей «в тылы XIX века, настолько выхолощенные за десятилетия деятельности либерализма с его всеобщим избирательным правом, всеобщей воинской повинностью, всеобщим образованием, мобилизацией земельной собственности и другими принципами подобного рода, что всякая попытка что-либо сделать при помощи этих средств выглядит просто смехотворной». Однако поскольку все обретает характер «работы», пока еще не столь отчетливо заметно, что «одновременно с этим начинает стираться и различие между профессиями». «Наряду с ростом специализации, а, следовательно, с увеличением числа профессий, видов и возможностей деятельности, сама она становится все более однообразной, и каждая из ее разновидностей выражает почти одно и то же простейшее движение. В результате все процессы обретают поразительное однообразие, масштабы которого способен уловить лишь тот, кому дано посмотреть на наш мир со стороны. Это напоминает картинки в волшебном фонаре, которые сменяют друг друга, хотя источник света остается тем же».

С этим связаны и те глубокие изменения, которые претерпевает понятие личного вклада. «Особой причиной этого явления становится смещение центра тяжести деятельности от индивидуального характера работы к тотальному. Одновременно отходит на задний план личность, автор работы. Это относится не только к конкретному произведению, но и к любому виду деятельности вообще». Впрочем, говорит Юнгер, сегодня бывают не только безымянные солдаты, но и безымянные офицеры. «Куда бы мы не обратили свой взор, всюду он падает на работу, выполненную неизвестным автором».

Так же обстоят дела и в области современных научно-технических достижений. «Нередко истинное происхождение важнейших научно-технических изобретений остается в тени. Это напоминает тканое полотно, каждая петелька которого является результатом сплетения многих нитей. Хотя некоторые имена и становятся известными, это, как правило, происходит чисто случайно. Они подобны вдруг засверкавшим звеньям цепи, все остальные звенья которой остаются покрытыми мраком. Возможность прогнозирования открытий также придает успешному индивидуальному вкладу характер чистой случайности: таковы, например, в органической химии открытия новых веществ, свойства которых до точности известны заранее, или обнаружение в астрономии новых звезд, местоположение которых уже рассчитано, хотя никому пока не удавалось наблюдать их в телескоп». По этому поводу Юнгер замечает также, что лишь поверхностному взгляду может показаться, будто отныне личные заслуги, утрачиваемые индивидом, становятся достоянием коллективов –

исследовательских институтов, технических лабораторий или крупных корпораций. В действительности «тотальный характер работы разрушает как индивидуальные, так и коллективные границы», и именно он является сегодня источником всякого творчества.

«Масштабы, которых достиг процесс распада индивида, еще легче проследить в том, как начинают меняться отношения между полами». Буржуазная эпоха наряду с изобретением индивида придумала и новый тип романтической, идеализированной и сентиментальной любви, отныне ушедший в прошлое: Вертер и Лотта принадлежат старым добрым временам, так же как прежде безвозвратно устарел мир «Новой Элоизы» и Поля и Виргинии. Здесь, как и в других областях, наблюдается процесс разложения и оскудения. Чтобы увидеть всю картину целиком, беглые зарисовки Юнгера можно было бы дополнить наблюдениями за теми аспектами атаки на индивида, которые скрыты в так называемом возвращении к природе, сегодня имеющем принципиально иной характер, сравнительно с живописными пасторальями, свойственными буржуазной эпохе. Хотя Юнгер и не уделяет этой теме достаточного внимания, он совершенно верно подмечает наличие нигилистического, примитивистского и нивелирующего элемента в современном культе тела, спорте, гигиене, пошлости пляжных солнцепоклонников и любителей «жизни на природе».

Смерть индивида также приобретает сегодня самые разнообразные формы: одни из них продолжают питать сумеречное воображение писателей особого сорта, а другие выражают беспросветность «экономической смерти», подстерегающей человека в виде «процессов, подобных инфляции, уносящих миллионы безвестных жизней». Эти изменения поражают бытие, поражают «как самое заметное, так и самое потаенное». Поэтому Юнгеру в сущности безразлично, совпадает гибель индивида со смертью отдельной особи или нет. В связи с этим он возвращается к теме современной войны, требования которой устраняют все индивидуалистические аспекты, а присущие ей типичные и исключительные переживания, о которых уже говорилось, просто отражают в более резкой и сжатой форме процесс, происходящий повсеместно. Сходный процесс на протяжении целого века можно было наблюдать на примере жизни выдающихся личностей – «людей с обостренной чувствительностью, издавна ощущавших гибельность той атмосферы, которая сознанию большинства казалась вполне здоровой». «Гибнет именно индивид как представитель исчерпанного и обреченного порядка. Но человек должен пройти через эту смерть, независимо от того, станет она концом его зримой земной жизни или нет».

Далее Юнгер пытается выявить то новое, зарождение которого можно предугадать в этой области. По ту сторону индивида начинает обретать форму то, что он называет «типом», который представлен в двух различных аспектах, активном и пассивном, и определяется изменениями, затрагивающими не только его внешность, но даже отдельные черты лица, общее поведение, физиогномику.

Сначала Юнгер вспоминает перемены, которые ему доводилось наблюдать во внешности бывалых фронтовиков, служивших в элитарных войсках. Он говорит, что их лицо, «утрачивая разнообразие индивидуальных черт, обретает, взамен, решительность и твердость линий. Оно начинает напоминать металлическую маску, словно покрытую гальванической пленкой; четче проступает строение костей, линии упрощаются и становятся строже. Взгляд тверд и спокоен, приучен следить за предметами в условиях, требующих высокой скорости схватывания. Это лицо новой расы, преображающееся под влиянием особых требований со стороны нового ландшафта, где отдельный человек перестанет быть личностью или индивидом, но станет типом». «Влияние этого ландшафта, – продолжает Юнгер, – распознается так же легко, как и влияние климатических поясов, первобытных лесов, гор или побережий. Индивидуальные черты отходят на задний план перед теми, которые определяются высшим законом и четкими задачами».

До сих пор речь шла об избранных, редких образцах, активных представителях процесса работы, являющихся предтечами нового типа, который обретает форму «в тех узловых точках, где сконцентрирован смысл свершающегося». Но теперь необходимо рассмотреть также те пассивные формы, в которых находит свое отражение тот же процесс, охватывающий современную жизнь во всей ее совокупности. Первым делом в глаза бросается страшное оскудение. Однако важно «стать на такую точку зрения, с которой все потери покажутся осколками, отсекаемыми резцом ваятеля от каменной глыбы в процессе создания статуи».

Действительно, «на первый взгляд новый тип производит впечатление некоторой пустоты и однообразия. Но это однообразие того же рода, которое поначалу мешает нам уловить индивидуальные различия между животными или представителями других рас. С физиогномической точки зрения прежде всего поражает лицо, напоминающее застывшую маску; например, почти полное отсутствие мимики, либо вошедшее в привычку, либо подчеркнутое и усиленное внешними средствами, скажем, отсутствием бороды, прической и т. п. Мужское лицо обретает сходство с металлической маской, женское – с косметической, что является результатом того же процесса, который приводит к стиранию различий, в том числе физиогномических, между представителями противоположного пола. Это сходство с маской проявляется не только в лице человека, но и во всей его фигуре. Здесь имеет смысл упомянуть то внимание, которое уделяется телесному развитию в целом, в частности тщательно разработанной методике тренинга».

«Изменения в моде точно указывают направление развития подобных процессов. Пожалуй, никогда прежде люди не одевались столь безвкусно и нелепо, как в начале бюргерской эпохи. Создавалось такое впечатление, будто все дешевое тряпье, веками копившееся в огромной лавке старьевщика, разом

выплеснулось на улицы и площади городов, где его и донашивают с гротескным достоинством». Однако и эта ситуация начинает меняться там, где человек прямо соприкасается со специальным характером работы, которая, как мы видели, для Юнгера не имеет ничего общего с профессией или ремеслом в старом смысле, но скорее означает новый стиль, новый способ самовыражения жизни. Там, где этот стиль обретает конкретные очертания, где современный человек занят конкретной деятельностью, «гражданская» одежда исчезает, ей на смену приходит рабочая одежда, «приобретающая характер униформы, поскольку пути рабочего и солдата пересекаются. Наверно, лучше всего это проследить по тем изменениям, которые претерпела сама военная форма, когда яркое и пышное разноцветье мундиров сменилось однотонным обмундированием и камуфляжем. Это один из символов нашего времени, который, подобно прочим, принято маскировать соображениями максимальной целесообразности. Дальнейшее развитие привело к тому, что сегодня военная форма становится одной из разновидностей рабочей униформы. Одновременно стираются различия между боевой, повседневной и парадной формами».

В более широком смысле новый стиль должен подчеркивать не индивидуальность, как в буржуазную эпоху, но определенный тип; это знак безмолвной революции, который мы видим «везде, где складываются новые единства, как на фронте, так и в спорте, в политике или в товариществах; в общем, там, где человек вступает в тесные, почти кентаврические отношения с техническими средствами... Манера одеваться, как и внешний облик в целом, все более упрощаются с точки зрения расовых характеристик. Подобное однообразие свойственно, например, охотникам и рыбакам, жителям определенных широт, людям, постоянно имеющим дело с животными, особенно с лошадьми. Это однообразие – один из признаков усиления и увеличения предметных связей, которые сегодня предъявляют индивиду свои требования».

В общем, тип знаменует переход от «единичного» к «единообразному». Буржуазный индивид выражает единичный, неповторимый (einmalig) характер, тип – «единообразный» (eindeutig). **[Прим. ред. БВС: слово «einmalig» имеет в немецком языке несколько значений – «неповторимый», «исключительный», «уникальный». Слово «eindeutig» – «однозначный», «определённый».]** Более подробно поговорим об этом позднее. Юнгер часто возвращается к этому противопоставлению, которое служит ему для того, чтобы ярче подчеркнуть, как изменилось понятие качества. На последнем этапе буржуазного периода понятие «качество» было тесно связано с индивидуальным и в вещественной области относилось к тому, что свойственно штучному производству или предметам ручной выделки. Сегодня его значение изменилось. Так, Юнгер показывает, что в наши дни при покупке машины ее будущий владелец не думает о ней как о средстве, при создании которого необходимо учитывать его частные индивидуальные особенности. Он по умолчанию подразумевает под качеством марку, модель, конкретный тип. Для него индивидуальное качество предмета имеет ценность лишь как дополнительная прихоть или

музейный раритет. По ходу книги Юнгер, правда, оговаривается, проводя различие между «типичным» и стандартизированным. Однако вполне оправданно считать, что как одно, так и другое являются просто двумя – положительной и отрицательной – сторонами одной медали, служат выражением одного и того же процесса.

Нечто сходное происходит в области театра и кино. В центре театрального действия стоял актер как индивид, и драматическое произведение должно было отражать индивидуальность. Между тем от кинематографического актера, скорее, требуется выразить тип. Киноплёнка не знает различий между исполнителями, она не предназначена для передачи неповторимой актерской интерпретации; с математической точностью она воспроизводит одни и те же кадры в любом городском квартале, в любой стране; фильм не требует избранного зрителя с хорошо развитым эстетическим вкусом; он вполне довольствуется однообразной публикой, которую можно найти повсюду.

С тем же вышеупомянутым «маскообразным» характером типа связано нарастающее значение, которое приобретает в современном мире число, понимаемое как точные цифры. Здесь мы также имеем дело с разрушительным для индивида процессом, который, однако, приуготовляет новые структуры, названные Юнгером «органическими конструкциями». Если раньше отдельный человек «для определения своей индивидуальности обращался к своим личным ценностям, отличающим его от других, тип, напротив, стремится определить себя при помощи элементов, выходящих за рамки его частной жизни». Нынешняя характерология, антропология и прочие науки строятся на «научной», математической основе, главной задачей которых становится строгий учет всего и вся, вплоть до подсчета количества кровяных телец. Все, что поддается цифровому выражению, начинает играть все возрастающую роль в практической жизни, и уже сами имена заменяют цифрами и обозначениями. «Все чаще человек прибегает к маске, точно так же растет число случаев, когда имя все теснее увязывается с цифрой», в сфере коммуникаций, услуг, энергетики и т. п. Кроме того, «пристрастие выражать все отношения в цифрах особенно заметно в статистике. В ней цифра играет роль понятия, способного зафиксировать все стороны действительности, что приводит к появлению особого рода аргументации, где роль доказательства играет цифра». Положительной стороной этого процесса (не будем забывать, что все явления переходной стадии имеют как отрицательный, так и положительный аспект) Юнгер считает то, «что этот метод не ограничивается рассмотрением отдельного человека как части некоей суммы, но стремится включить его в тотальность явлений».

Указав на значительную роль, которую играет число в современном понятии рекорда, по сути являющемся оцениванием в цифрах человеческого и технического вклада, Юнгер показывает, как изменилась сама концепция бесконечности. «Обнаруживается тенденция, стремящаяся зафиксировать в цифрах как бесконечно малое, так и бесконечно большое, как атом, так и космос,

«звездное небо надо мной»». Но и здесь последней инстанцией является не число как таковое, но скорее потребность в возвращении к принципу «гештальта» как категории. Действительно, понимание, основанное на «гештальте», исключает абстрактно духовное понятие бесконечности, а, напротив, предполагает особое и органичное понятие тотальности. «В результате этого цифра приобретает иное достоинство – оказывается прямо связанной с метафизикой». Поэтому, размышляя о дальнейших перспективах подобного развития, Юнгер спрашивает: «Не должна ли в этом случае измениться и сама физика, не должна ли и она приобрести магический характер?»

Другая примета антииндивидуалистического вовлечения единичного человека в тотальность бытия проявляется и на более высоком уровне. Если индивид, чтобы схватить собственный смысл и найти себе подтверждение, испытывал необходимость противопоставлять себя миру, то «тип», напротив, ощущает себя частью мира и охотно осваивает новое пространство, которое лишь постороннему взгляду может показаться чудесным или чудовищным. Причиной этого является, в частности, то, что в современной жизни безличные и объективные связи требуют от человека все большего вложения сил, и в результате их взаимодействия возникает целое, где даже самые неожиданные открытия уже никого не удивляют и мгновенно становятся частью повседневной жизни.

Согласно Юнгеру, об этом свидетельствует также то, что умирать стало легче, ибо смерть сегодня во многом утратила свое прежнее значение. Это заметно прежде всего там, где действует не столько индивид, сколько «тип». Бесчисленные жертвы катастроф никоим образом не препятствуют развитию современной жизни. Несчастный случай сегодня приобрел иной смысл. Раньше его связывали с непредсказуемыми факторами, с идеей рока; сегодня же он теснейшим образом связан с миром цифр. «Мы знаем как по собственным переживаниям, так и по опыту других, – замечает Юнгер, – что особенно ярко это чувство проявляется там, где близость смерти соединяется с высокими скоростями. Высокая скорость вызывает своего рода светлое опьянение. Так, на автогонках группа пилотов, застывших подобно манекенам за рулем своих болидов, впечатляет причудливым смешением точности и опасности, характерным для ускорения движений, свойственных типу».

Легко понять, что подобные ситуации наиболее зримо проявляются в условиях современной войны, которая стала своего рода краткой прелюдией к утверждению вышеуказанного общего принципа, то есть интеграции отдельного человека в целое. Действительно, в современной войне «не осталось почти никакого различия между военными и гражданским населением; в тотальной войне каждый город, каждая фабрика становятся крепостью, каждое торговое судно – военным кораблем, все продукты – контрабандой и всякое мероприятие, как активное, так и пассивное, имеет военное значение». Гибель единичного человека как солдата становится второстепенным фактом; важнее то, что

он гибнет в результате атаки против того пространства, которому он принадлежит. Эти пограничные случаи, которые неумолимо втягивают человека в тотальность бытия, почти плавно переходят в ситуации, соответствующие различным современным процессам, полным ходом идущим в мирной жизни. «Нельзя не заметить, – говорит Юнгер, – что в этом пространстве требования, предъявляемые к отдельному человеку, возрастают до немыслимой ранее степени. В ситуациях подобного рода экзистенциальная вовлеченность человека достигает такой полноты, что уже не может быть расторгнута по взаимному уговору. По мере распада индивида снижается его способность сопротивляться мобилизации. Все более тщетным становится протест против вторжения в личную жизнь индивида. Независимо от своего желания отныне он несет полную ответственность за все объективные связи, в которые включен». Таким образом, характерное для военного времени стирание различий между военными и гражданскими распространяется и на другие области, экономику и т. п. «Эта вовлеченность не знает исключений. Она распространяется на дитя в колыбели или даже в материнской утробе с той же неотвратимостью, что и на монаха в его келье или на негра, режущего кору гвеи в тропических лесах. Таким образом, она имеет тотальный характер и отличается от теоретической вовлеченности в сферу общечеловеческих прав своим всецело практическим и обязательным характером. Если решение, стать бюргером или нет, могло приниматься по собственной воле, то в отношении рабочего этой свободы более не существует. Именно это определяет весь комплексный круг новой иерархии – неизбежная экзистенциальная принадлежность к типу, определяемая внутренним складом, оттиском, оставленным гештальтом в силу железного закона».

Правда, на этой стадии пока еще затруднительно точно отделить пассивные формы от форм активных и позитивных. Вторые требуют качеств, достоинств и склонностей, существенно отличающихся от тех, которые продолжают сохранять свою ценность для большинства наших современников. В противоположность прежнему, индивидуалистическому, стремлению к изоляции, для нового человека должно стать естественным чувство свободы, каковое «более не является принципом самодовлеющего существования, но зависит от степени причастности частной жизни человека к тотальности мира».

Вышеупомянутое однообразие типа тесно связано с его функциональностью. Поэтому для нового мира типа характерно то, что индивид отныне «утрачивает свою незаменимость, его легко заменить». Это становится также своего рода испытанием на прочность, через которое должен успешно пройти человек в процессе активной или пассивной деперсонализации. Сломавшуюся или изношенную деталь механизма можно заменить другой деталью, достаточно, чтобы она точно соответствовала строго определенной предметной функциональности.



**Атака на массы.  
Органические конструкции.  
Ступени новой иерархии**

По мнению многих, большинство современных процессов, разрушительных для индивида, тесно связано с наступлением масс. Однако Юнгер смотрит на это иначе. Признавая генетическую взаимозависимость понятий индивида и массы в цивилизации третьего сословия, он тем не менее считает, что процессы, ведущие к новому миру рабочего, бьют также по самой массе и столь же губительны для нее, как и для индивида. Юнгер говорит: «От процесса распада, который претерпевает индивид, не может ускользнуть и сумма индивидов, как составных частей массы». Масса как определяющая сила уходит из городов, так же как она исчезла с современных полей сражения. Эпоха масс отныне принадлежит прошлому, так же как и те, кто ставит на массы как на решающий фактор. На пару опытных фронтовиков за прицелом пулемета вид целого вражеского батальона не производит особого впечатления; они знают, что смогут долгое время удерживать противника на расстоянии. То же самое происходит в общественно-политической области. «Масса как таковая сегодня уже не способна ни атаковать, ни обороняться». Хорошим примером тому могут служить известные события, в том числе политического характера. Например, восстания и революции сегодня осуществляются уже не силами масс. Государственные перевороты утратили свой анархический и баррикадный характер, обретая взамен технический, «рабочий» характер, когда хорошо организованные и немногочисленные группы профессионалов, следуя четко разработанному плану, захватывают общественные учреждения, берут под свой контроль линии электропередачи, радиостанции, телефонную связь и т. п.; в противном случае, полиция, вооруженная новейшими средствами, за пару минут способна разогнать многотысячную толпу. Кроме этого, Юнгер отмечает, что такие явления, как например «анонимный рост цен, падение валютного курса, таинственный магнетизм денежных потоков», уже не зависят от решения масс. Если сегодня масса еще сохраняет некую ценность, то исключительно с отрицательным, а не положительным знаком, то есть исключительно благодаря своей связи с процессами, поражающими индивида и лишаящими его всякого значения. Наконец, в частной области политики легко заметить крайне высокую степень «сфабрикованности» масс. Массы возникают благодаря процессам организации и пропаганды, которые контролируются единицами; то есть людьми, как правило, не принадлежащим к массе, представителям «совершенно иного типа человека, нежели тот, который представлен индивидами, составляющими массу».

Теперь перейдем к рассмотрению тех положительных аспектов, которые на переходной стадии всегда смешаны с отрицательными. Согласно Юнгеру, по мере того как бюргерский индивид уступает место типу, за рамками массы начинает вырисовываться «новый порядок величин, принадлежащих миру ра-

боты», которые он называет органическими конструкциями (organische Konstruktionen). Сегодня этот процесс находится только в зачатке. Речь идет о структурах, которые начинают отмежевываться от прежних форм единства, свойственных XIX веку, и, хотя этот процесс имеет пока неупорядоченный характер, эти структуры уже обрели собственное лицо.

Их общей приметой является зримо специальный характер работы, под которым подразумевается «способ, которым рабочий выражает себя в организационном плане; тот способ, при помощи которого он избирательно упорядочивает человеческую субстанцию». Таким образом, в органических конструкциях уже на ином уровне начинает действовать «та же метафизическая власть, тот же гештальт, который при помощи техники мобилизует материю». Это новые единства, соответствующие типу, и именно в них тип преимущественно обретает свою форму. Предтечами подобных единств для Юнгера являются некоторые из новых политических или партийных организаций, спецподразделения времен мировой войны, союзы бывших фронтовиков и другие сообщества, «которые так же отличаются от прежних общественных объединений, как театральная публика 1860 года от зрителей в современном кинозале или на стадионе». Это отличие объясняется тем, что если масса, по сути, представляет собой настолько бесформенное образование, что способна удовлетвориться абстрактным и чисто теоретическим равенством индивидов, то в противоположность ей «органические конструкции XX века представляют собой кристаллообразные формы и как таковые требуют совершенно иной степени структурированности от оформляющего их типа».

На практике принадлежность к этим новым структурам, предвосхищающим будущие органические конструкции, определяет не буржуазная идея свободного выбора, но объективные связи, обусловленные особым характером работы. Юнгер сначала демонстрирует это на простом примере, показывая, что «сколь легко было вступить или выйти из партии старого типа, столь же трудно выйти из группы, членство в которой сравнимо с положением потребителя электроэнергии», а затем переходит к функциональному участию. Благодаря сходному характеру предметной принадлежности «и профсоюз может дорасти до уровня органической конструкции, тогда он обретет независимость как от индивида-одиночки, так и от индивида, являющегося простой частью массы».

Подытоживая, комплексный процесс современной эпохи можно представить следующим образом: распад индивидуализма привел к нашествию массы, устремленной к торжеству однообразия, к чистому царству количества; однако коллективистская стадия (которую, впрочем, Юнгер рассматривает недостаточно подробно, в частности пренебрегая ее психическими аспектами) обречена уступить место четко дифференцированным, функциональным и объективным единствам, для которых среди прочего характерно преодоление оппозиции органических и механических форм. Выбранное Юнгером выражение

«органическая конструкция» явно намекает на эту на первый взгляд парадоксальную характеристику. В сущности, следовало бы говорить об органичности, не имеющей природной, естественноисторической, или шире говоря, конкретизированной основы, как то было в случае сословий или каст традиционного общества, но создаваемой волевым усилием в рамках необходимых и объективных процессов, специфическим основанием которых является «работа» и одновременно деперсонализация, заложенная в функциональной ценности, свойственной типу. Позднее, говоря о высших формах подобных конструкций, Юнгер будет использовать слово «орден» и опишет схему новой иерархии, предназначенной занять место прежней, опиравшейся на индивидуалистические ценности или на буржуазное понятие «класс».

Но вернемся к изучению переходной стадии. Юнгер пишет: «По отношению к человеку работу можно рассматривать как образ жизни, по отношению к его деятельности – как принцип, по отношению к формам – как стиль». Любое изменение стиля происходит позднее, чем изменение человека и его деятельности, поскольку предполагает сознательность, активное решение. Сегодня новый стиль подобен оттиску измененного сознания, его можно только предугадывать, ибо нынешнее положение таково, что «прошлое уже не реально, а грядущее еще не проявлено. Поэтому простительно заблуждение тех, кто считает унификацию старого мира основной чертой нашего времени. Но эта унификация затрагивает исключительно область, подверженную распаду... Новый поток продолжает еще какое-то время лениво течь по старому руслу, точно так же поезда некоторое время строили на манер дилижансов, автомобили – на манер карет, фабрики – в стиле готических церквей. Но всякое опустевшее пространство постепенно наполняется новыми силами, и плач по ушедшим добрым временам – это язык дряхлости». Юнгер сравнивает нынешнее состояние с антрактом. «Занавес упал, за ним идет подготовка к смене актеров и декораций. Повсюду первым делом в глаза бросаются перемены, более разрушительные для естественных и духовных форм, чем работы по смене декораций; массы и индивиды, мужчины и женщины, расы, народы, нации, ландшафты, так же как личности, профессии, идеологические системы и государства равно подвержены этому процессу, который поначалу кажется полным ниспровержением присущих им законов». Но необходимо выработать иной взгляд, способный уловить «приготовление нового единства места, времени и персонажей, нового драматического единства, приближение которого можно угадать как за руинами культуры (Kultur), так и за погребальной маской цивилизации». **[По поводу значения этих понятий см. примечание к с. 13 данной книги.]**

Дабы уловить то новое, что начинает отражать тип, необходимо обратить свой взор туда, куда обычно смотрят меньше всего, то есть на повседневную жизнь. Нужно убедить себя в том, что люди интересны не тогда, когда они представляют собой проблематичные натуры, но скорее тогда, когда они «просты» и лишены проблематичности. Для этого надо отправиться не в библиотеки или

культурные центры, «а на улицы и площади, заглянуть в дома и во дворы, в самолеты и станции метро – туда, где человек живет, сражается или развлекается, иными словами, туда, где он занят работой». Юнгер спрашивает: «Что может быть обыденнее, прозаичнее и скучнее, чем автоматизм уличного движения на крупных магистралях? Но не является ли он знаком, символом того способа, которым начинает двигаться сегодня человек, подчиняясь беззвучным и незримым приказам? Жизненное пространство становится все более однообразным и упрощенным, но одновременно возрастает непринужденность и невинность движений в этом пространстве». Здесь спрятан ключ к иному миру. «За масками времени скрыто нечто большее, чем смерть индивида, от которой застывают черты лица, нечто большее, нежели простая пауза, разделяющая два века». Распад древней души, начавшийся уже давно, по мере своего завершения становится прелюдией к появлению абсолютной личности.

Говоря о внешних характеристиках типа, мы имели в виду все то, что на данный момент может восприниматься исключительно как оскудение или утрата. Эта утрата ощущается во всем, «начиная от высших форм жертвенности до форм растительного увядания, бюргерской смерти. Первым под удар этой атмосферы конца попадает выдающийся представитель индивида, гений». За индивидом приходит очередь массы. «В завершение этого процесса смерть переходит в непрерывную атаку на массы, которая разворачивается как в скрытых, так и в зримых, катастрофических формах». Уяснив общее направление процесса, нам больше нет нужды останавливаться на его деталях, подтверждать его примерами или ждать, пока его дальнейшее развитие снабдит нас дополнительным материалом для анализа, говорит Юнгер. Поэтому он переходит к краткому рассмотрению той иерархии, которая должна возникнуть после преодоления негативной стадии.

Образ жизни рабочего и единичный человек как тип являются стихийной субстанцией нового мира. Далее выделяются три ступени. Низшей является та, на которой свобода и подчинение составляют одно целое в стиле жизни, уже преодолевшем ту стадию, на которой процессы, ведущие к возникновению типа, просто претерпеваются. Таким образом, в мире работы эта ступень представляет собой самую общую форму, образует основание пирамиды. «Но за этой ступенью начинает выделяться иной, более активный тип, в котором черты новой расы обретают большую определенность». (Юнгер уточняет, что, говоря о расе, он имеет в виду нечто совершенно иное, нежели биологически обусловленные признаки. «Гештальт рабочего мобилизует весь человеческий состав, безо всяких различий», то есть он способен использовать человеческий материал любого народа или расы в узком смысле этого термина; то же, что в одних случаях этот материал пригоден для формирования более высоких, типичных, чистых формы, а в других – нет, никоим образом не влияет на сущностную независимость формирующего процесса.) Естественно, активный тип, представитель второй ступени пирамиды представлен меньшим числом

индивидов, количество которых уменьшается по мере продвижения вверх; человека подобного типа «можно встретить там, где отчетливо проявляется специальный характер работы»; он характеризуется своей неподатливостью к тому, что происходит силой обстоятельств, своей неподверженностью объективным процессам, поражающим буржуазный мир, ибо «он уже знает путь, благодаря своей связи с метафизикой мира работы». Согласно Юнгеру, «одним из первых представителей активного типа является безымянный солдат, воплощение максимума активных добродетелей, отваги, готовности к действию, духа жертвенности». Добродетель этого типа составляет «его заменимость; ибо для каждого павшего в резерве уже имеется замена. Его критерием служит объективный вклад, который он вносит в общее дело без лишних слов»; по сравнению с этим, всякий иной критерий, например, принадлежность к той или иной из противоборствующих сторон, отходит на задний план. Поэтому, замечает Юнгер, между этими людьми, олицетворяющими собой единый тип с единым стилем, независимо от того, на какой из враждующих сторон они сражаются, возникает нечто вроде братства, «всегда закрытого для гуманистов». Говоря об этой ступени, Юнгер обращается к понятию ордена, тем самым уточняя, что именно он понимает под «расой». Он приводит примеры из прошлого, упоминая пруссачество, рыцарские ордена, а также различные религиозные ордена, например, иезуитов; во всех организациях подобного рода в основе единства особого типа лежали одинаковое духовное воспитание и дисциплина. Предтеч этого типа, поднявшегося до второй ступени, то есть активного типа, можно встретить и в области технического мира. «Уже сегодня нам удастся иногда проникнуть в круг таких существ, вокруг которых выкристаллизовывается новый порядок. Присущие подобным людям – совершенно независимо от прежнего сословного деления – властность и лучащаяся сила являются, прямым свидетельством того, что в новом пространстве работа обладает достоинством культа. Здесь также можно встретить лица, отмеченные особой печатью, которые доказывают, что характер маски может быть усилен до такой степени, которая придает ей геральдическое качество».

Но это еще не высшая ступень иерархии, и далее Юнгер описывает тех, кто стоит на вершине пирамиды. В отличие от первых двух ступеней, соответствующих пассивной и активной формам типа, уже предвосхищенным как войной, так и современным миром в целом, здесь речь идет о гештальте, который, как говорит Юнгер, пока не возник. На высшей ступени иерархии «единичный человек будет представлен в прямой связи с тотальным характером работы. Только с появлением подобных людей станет возможным высокий стиль в искусстве государственного управления и господства. Отчасти это господство (гештальта) подготавливается появлением активного типа, который различными способами разрушает старые формы. Однако активный тип не способен преодолеть границ, которые положены ему специальным характером работы; как экономист или техник, как солдат или националист он нуждается в дополнении, ему нужен приказ, исходящий непосредственно от принципа, способного придать смысл действительности». Только на вершине прекращается

борьба «противоположностей, колебания полюсов которых придают нашей эпохе столь зыбкое и изменчивое освещение. Таковы противоположности между старым и новым, властью и правом, кровью и духом, войной и политикой, техникой и искусством, знанием и верой, органическим и механическим... Их единство проявится в новом человечестве, переросшем старые сомнения».

Подытоживая, Юнгер пишет: «Иерархия XIX века определялась мерой индивидуальности. В XX же веке ранг, напротив, будет зависеть от степени причастности к характеру работы... Поэтому нас не должно ввести в заблуждение то общее уравнивание, которому подвержены сегодня люди и вещи. Эта нивелировка по сути равнозначна образованию низшей ступени, основания мира работы и обусловлена тем, что сегодня этот процесс претерпевают преимущественно пассивным образом. Но по мере роста разрушений и преобразований все явственнее будет вырисовываться возможность нового созидания, возможность органической конструкции». Уже сегодня эти высшие возможности не совсем закрыты для нас, и доступ к ним облегчают трагические ситуации, например, когда «только смерть знаменует высшую победу». «Наше время богато безвестными мучениками, ему свойственна такая глубина страдания, на которую не проникал еще ни один взор. Добродетель, приличествующая этой стадии, есть добродетель героического реализма, духовная позиция, которую не может поколебать ни перспектива гибели, ни осознание тщетности собственных усилий. Поэтому человеческое совершенство сегодня представляет собой нечто иное, нежели в другие времена; и вполне возможно, что оно достигает своей вершины именно там, где менее всего заметно... Но в любом случае его не встретишь в области культуры, искусства, аффектов или моральных ценностей. Здесь говорить об этом или уже слишком поздно, или пока слишком рано». Правда, еще сохранились прежние пространства духовной жизни, ценность которых удостоверена опытом веков и куда можно было бы уйти. Но первопроходцы нового мира полностью погружаются в фазу эксперимента; все, что они предпринимают, никак не связано с прошлым опытом, с прежними ценностями. «Путь сынов, внуков и правнуков вчерашних безбожников, для которых подозрительным стало даже само сомнение, – говорит Юнгер, явно намекая на энциклопедистов как предтечей технической революции, ницшеанский нигилизм и другие схожие движения конца XIX века, – пролегает среди ландшафтов, где царят жара или холод, достигающие отметок, равно смертельных для жизни. Чем больше усталость индивидов и масс, тем выше ответственность, ложащаяся на плечи единиц. С этого пути нельзя ни свернуть, ни повернуть вспять; напротив, необходимо увеличивать мощность и скорость увлекающих нас процессов. И тогда как доброе предчувствие возникает мысль, что за этим избытком движения скрыт неподвижный центр». Так Юнгер описывает отношения человека со стихийным и их союз на переходной стадии.

## **Человек и техника. Проблема границы**

Указав смысл трехчленной иерархии нового мира работы, Юнгер возвращается к более узким проблемам. Для начала он более подробно рассматривает отношения между человеком и техникой, свойственные созидательной стадии.

Согласно Юнгеру, все, что наши современники, не исключая и технических специалистов, сумели сказать о технике, отличается крайней скудностью. «Хотя техник и является представителем специального характера работы, он лишен непосредственной связи с ее тотальным характером». Ошибаются как те, кто склонен воспринимать отношения человека с техникой исключительно пессимистически, как отношения «начинающего чародея с силами, которые он берется заклинать, еще не умея с ними совладать», так и те, кто воспринимает их чересчур оптимистически, «как непрерывный прогресс, ведущий к искусственному раю». Анализируя первый подход, Юнгер говорит, что нет механизированных людей, но есть люди и машины, поэтому «существует глубокая связь в одновременном появлении новых средств и нового человечества». Подобная одновременность «не случайна, но подчинена высшей необходимости». «Поэтому союз человека и его средств должен будет стать выражением высшего единства». Техника – это новый язык. «Новый язык, вдруг ставший понятным, и за человеком остается право решать, откликнуться на его призыв или притвориться немым». Не правы те, «кто думает, будто им можно пренебречь или отказаться от него из-за его нелепости». Напротив, необходимо овладеть этим языком: «постичь его тайный закон и научиться использовать его как оружие». Отрицательное толкование влияния техники на человека как подлинной причины, обусловившей нынешнюю анархию и кризис, связано с тем, что прежний человек исходил из ошибочного представления о нейтральности мира техники, изменения в котором могут затрагивать исключительно область средств. Поэтому, стремясь при помощи техники достичь господства над новым техническим миром, он считал, что сможет подчинить его ценностям, формам и законам жизни, более ему не соответствующим. Но положение изменится коренным образом, когда на смену гештальту буржуа и человека XIX века придет гештальт рабочего, который сумеет распознать в новом языке свой собственный язык и овладеет им «не потому что это разумно, полезно, удобно и прогрессивно, но потому что этот язык является исконным языком». «Техника может стать истинным и верным слугой человека только тогда, когда распоряжающиеся ею индивиды и коллективы станут воплощением гештальта рабочего», в котором «явственно проступят его героические черты».

Юнгер уточняет свою идею, критикуя также противоположное истолкование техники, к которому склоняются почти все ревнители прогресса. Он верно замечает, что «даже если весь мир до самых своих основ будет перестроен современной техникой», для которой характерна безудержная специализация, то это совершенно не значит, что тем самым будет решена хотя бы одна из

важнейших проблем, стоящих перед человеком. Юнгер говорит, что уже спустя короткое время станет совершенно непонятной та гордость, с которой человеческий дух обозревает сегодня простирающиеся перед ним безграничные горизонты, простодушно веря в неразрывную связь между духовным и техническим прогрессом. Столь же наивной покажется вера в «непрерывный прогресс в благоприятных условиях в мире, где на смену религии – прежде всего христианству – придет наука, притязая на роль Спасителя, в пространстве, где мировые загадки будут разрешены, а задачей техники станет избавление человека от проклятья труда, что позволит ему заняться более достойными вещами».

Юнгер настаивает на том, что техническое развитие может и должно иметь границы. Это логически вытекает из идеи, согласно которой новый человек должен стать уже не объектом, но субъектом этого развития, его господином, привести его в соответствие с собственным бытием. Это реакция на отчуждение технического развития от человека, реакция против безграничного распространения техники^ напоминающего «сферу, которая по мере расширения своей поверхности вступает в соприкосновение со все новыми задачами». Корни подобных взглядов можно без особого труда отыскать в абстрактном представлении о бесконечности как о безграничности. Эта концепция, свойственная исключительно эпохе просвещения, никогда прежде не существовала, «непонятна для будущих поколений» и вдобавок ко всему противоречит принципу гештальта, который, напротив, ведет к пониманию универсума как единого целого, «как завершенной и четко ограниченной тотальности». С качественной точки зрения «вид и масштабы всякого развития определяются бытием. Это справедливо и для техники». Ее развитие подчинено четко определенным условиям; поэтому оно завершится «в тот момент, когда техника как средство начнет отвечать тем особым требованиям, которые предъявляет ей гештальт рабочего».

Как мы видели, по мнению Юнгера, право, легитимность притязания гештальта рабочего на господство должны проявиться в его способности установить границу, придать устойчивость системе средств и возможностей развития, которая сегодня находится в состоянии анархии и вседозволенности. Достаточно бросить беглый взгляд на прямые практические последствия, к которым приводит ее безудержное развитие, чтобы масштаб и парадоксальный характер подобного состояния дел стал совершенно очевидным. Речь идет даже не столько о необходимости обуздания «сорвавшегося с цепи великана», о котором говорил Вернер Зомбарт, анализируя новейшие формы, которые обретает крупный капитализм и сверхпроизводство, сколько о том, чтобы охладить фантастический пыл, охвативший нынешнее человечество и заставивший Бернаноса (Bernanos) воскликнуть «Où fuyez-vous en avant, imbéciles?» [**«Куда вы несетесь, идиоты?» (фр.). – Прим. пер.**] Очевидно, что буржуа на это совершенно не способен, поскольку для этого необходимо мыслить в понятиях,



отличных от пользы, общественно-материального прогресса, удобства, легкости и т. п. Пока техникой распоряжается буржуа как таковой, а не тип с его героическими и до некоторой степени аскетическими наклонностями, возможность остановки технического развития остается абсурдной утопией, а соблазнительные перспективы его постоянных «завоеваний» будут затмевать «грядущий гештальт» человека. Таким образом, одним из наиболее интересных моментов в концепции Юнгера является следующая мысль: по ту сторону буржуазного мира, распадающегося под натиском техники, за рамками сменяющей этот распад системы чистого динамизма сил, обретающих почти полную независимость, должно начаться движение к новому миру устойчивости и границ – а следовательно, в некотором смысле к новому классицизму действия и господства, – где смыслы высшего порядка будут передаваться посредством нового интегрированного механического языка, достигшего однозначности благодаря своей завершенности.

На этой стадии язык техники «станет не менее значимым и глубоким, чем любой другой, и обретет не только свою грамматику, но и свою метафизику»; выяснится, что машина как таковая имеет столь же второстепенное значение, что и сам человек выступает в качестве простого индивида, то есть является одним из средств выражения. В этом контексте, естественно, нельзя пройти мимо крайностей технического развития, когда кажется, что техника окончательно отрывается от человека; речь идет прежде всего о развитии военной техники и соответствующих средств тотального уничтожения. Со времени написания «Рабочего» эти перспективы стали еще более явственными, особенно теперь, когда нам открылся темный лик так называемой атомной эры. Юнгер уже отмечал, что «с правомерной опаской следит человеческий дух за появлением новых средств», и шаткость нашего нынешнего положения равным образом является результатом сохраняющегося противоречия между техникой и человеком, представления о котором по-прежнему опираются на устаревшие системы и идеологии XIX века. Ищут дешевых решений, которые являются простыми паллиативами, теша себя иллюзиями о возможности предотвратить катастрофу путем переговоров и обсуждений в рамках пространства буржуазных категорий «договора» и «общества», молчаливо подразумевая выработанную рационалистической и просветительской антропологией идею о якобы добром «от природы» человеке. Но на самом деле «человек является добрым и злым одновременно, поэтому, чтобы не утратить связи с реальностью при любых расчетах, необходимо учитывать, что нет ничего, на что не был бы способен человек». Итак, в данной области решающим фактором также является пришествие и господство нового человека, типа, утверждающего собственный способ бытия и собственный закон в пространстве, которое по необходимости объемлет собой всю планету целиком. Все прочее – лишь следствие, поэтому в этой перспективе даже крайние альтернативы покажутся второстепенными. Порядок и единство не исчезли, анархическая, противоречивая и революционная фаза – включая и возможные конфликты в будущем – обязательно будет идейно завершена и исчерпана. Таково мнение Юнгера.

## Строительный ландшафт

Небезынтересно рассмотреть, каковы, по мнению Юнгера, частные следствия нашего пребывания в переходном пространстве, где возможности технического развития еще не подчинены высшему закону, пока не сделали разворота в сторону органических, завершенных форм и поэтому более всего напоминают перевернутую пирамиду, грани которой безгранично расширяются, вместо того чтобы постепенно, сужаясь от основания, в определенной точке сойтись на вершине, как в их естественном *terminus ad quem*, а подножие завалено остатками форм и видов деятельности, принадлежащих прошлому.

Этому переходному этапу соответствует особый ландшафт (подобно другим немецким авторам, Юнгер использует понятие ландшафта, *Landschaft*, для обозначения определенной среды и соответствующей ей атмосферы), напоминающий обстановку кузницы или стройплощадки. «Здесь нет никакого постоянства форм; все непрерывно видоизменяется в тревожном динамизме». Ничто здесь не строится на века, как было свойственно древним сооружениям; прежний язык форм, созданный традиционным искусством, утратил свою силу. «Любое средство носит временной характер и обречено на краткосрочное использование». Ни в архитектуре, ни в экономике, ни в поведении нет никакой устойчивости. «Человек, подобно растению, проводит свою жизнь в этом ландшафте, в поддержание которого он обязан вносить свой вклад, не питая никаких сомнений относительно его эфемерного характера». Изменчивость средств в экономике непрерывно требует «все новых вложений капитала и рабочей силы, которые, несмотря на маску экономической конкуренции, на самом деле противоречат всем законам экономики. Целые поколения уходят, не оставив после себя ни памятников, ни сбережений, но лишь отметив собой определенную ступень мобилизации мира». «Над экономическим законом одерживают победу другие законы, напоминающие законы войны; не только на полях сражений, но и в экономике мы обнаруживаем такие формы борьбы, в которой не бывает победителей». «Эта скоротечность, – продолжает Юнгер, – заметна также в путанице и беспорядке, которым уже более века отмечен технический ландшафт. Причиной этого режущего глаз зрелища является не только разрушение природного и культурного ландшафта, но и несовершенство самой техники. Эти шумные и пыльные города, затянутые паутиной проводов и задыхающиеся в собственных испарениях, с их муравьиной суетой и мешаниной архитектурных стилей старого и нового времени, благодаря которой они каждое десятилетие почти полностью меняют свой облик, суть гигантские стройплощадки форм, сами не имеющие никакой формы. Они лишены собственного стиля, если только не считать анархию его особой разновидностью».

«Мы оказались в состоянии безостановочного движения, которое требует от нас все больших жизненных сил и резервов... Это не позволяет жизни установить строгий и бесспорный порядок хотя бы в одной из своих областей. Жизнь уподобляется смертельной гонке, заставляющей напрягать все силы, лишь бы

не оказаться в хвосте». «Человеку, не принадлежащему нашему пространству, это зрелище покажется загадочным и даже безумным. Под беспощадной маской экономики и конкуренции здесь творятся неслыханные вещи. Так, христианин, скорее всего, увидит нечто дьявольское в методах современной рекламы. Невнятные заклинания и состязание огней в центре городов наводят на мысль о безмолвной и безжалостной борьбе растений за почву и пространство. Житель Востока [здесь стоило бы внести уточнение – житель традиционного Востока], вероятно, испытает ощущение почти физической боли при виде толп прохожих, каждый из которых несется по улице, словно бегун по беговой дорожке. Новейшие постройки становятся все более недолговечными: их быстро перестраивают или демонтируют. Поэтому сегодня уже бессмысленно говорить о капитале в старом, статическом смысле этого слова; обесценивается даже золото». «К этому добавляется беспорядочное разжигание новых потребностей, создание удобств, без которых человек, как ему кажется, уже не может обойтись и которые на самом деле только усиливают его зависимость и обязанности. Эти потребности, в свою очередь, сколь многообразны, столь и переменчивы... Чувство долговечности, воплощаемое в удовольствии от обладания недвижимостью, похоже, окончательно исчезает; иначе чем объяснить то, почему средства, на которые можно было бы приобрести виноградник или загородный дом, сегодня расходуются на автомобиль, жизнь которого продлится всего несколько лет?» «Исчезли школы ремесла, где ученик на примере учителя достигал высот мастерства; остались только вечные ученики. Средства передвижения и производства обретают все более безудержный и непредсказуемый характер; но чем быстрее мы движемся, тем дальше оказываемся от цели... Изменчивы и средства власти; на великих фронтах «цивилизации» война превращается в лихорадочный поиск все более совершенных формул в физике, химии и высшей математике, взамен устаревших. Грандиозные арсеналы средств уничтожения не гарантируют никакой безопасности; быть может, уже завтра мы обнаружим, что у этого колосса – глиняные ноги. Постоянны сегодня только изменения, и об этот факт разбивается любое усилие, направленное на обладание, на достижение удовлетворенности или безопасности».

Указывая на эти проблематичные черты современного общества, Юнгер тем самым подтверждает, что, по его мнению, динамические и активистские аспекты мира работы имеют временный характер, принадлежат исключительно переходной стадии. Ей на смену, как уже было сказано, должно прийти состояние уравновешенности, «постоянства средств».

Характерной чертой нашего сегодняшнего положения является то, что «средства, которыми мы располагаем, не просто способны удовлетворить всем требованиям жизни; своеобразие нашего положения состоит как раз в том, что они дают даже больше, чем мы ожидаем от них». Впрочем, кое-где уже предпринимаются попытки сдержать рост средств путем договоренностей либо по-

средством авторитарных мер. «В отдельных областях уже наметилось стремление к завершенности технического развития, желание создать зоны, свободные от безостановочных изменений». Но эти попытки могут привести лишь к временному урегулированию, а не к достижению подлинного и окончательного порядка. Состояния равновесия и постоянства невозможно достичь без реализации ранее упомянутого предварительного условия, а именно пришествия и господства нового человеческого типа. Новый человек должен довести технику до такой степени завершенности, которая одновременно станет ее границей. Тогда произойдет переход от «строительного ландшафта» к «ландшафту планирования». Однако крайне важно следующее признание Юнгера: «Законченность техники есть всего лишь один из признаков завершения текущей мобилизации. Это может поднять жизнь на более высокий уровень организации, но не на более высокий ценностный уровень, как полагали ревнители прогресса. Она ознаменует собой смену динамического и революционного пространства пространством статическим и высокоорганизованным. Таким образом, речь идет о переходе от изменчивости к постоянству, который будет иметь исключительно важные последствия».

«Постоянство средств приведет к стабильности жизни, о которой мы почти утратили всякое представление. Разумеется, эту стабильность не следует понимать в рационально-гуманистическом смысле как отсутствие противоречий или как высший триумф комфорта, скорее, она означает, что стабильный объективный фон позволит яснее и точнее оценить меру и ранг человеческого вклада, нежели то было возможно в условиях, богатых непредсказуемыми, динамическими и взрывными факторами. Можно сказать, что гештальт рабочего позволит самой жизни обрести ее собственный гештальт». Таким образом, последней стадией должна стать стадия *Gestaltung*, то есть формообразующего действия в высшем смысле, с соответствующим новым стилем, который во всех областях деятельности будет обладать естественными, самопроизвольными и обязательными чертами.

Юнгер считает, что в той или иной форме «завершенность технического развития, а, следовательно, и стабильность будет однажды достигнута. Действительно, эта стабильность на протяжении веков была скорее правилом, чем исключением; тогда как лихорадочный темп перемен, присущий нашей эпохе, является беспрецедентным в истории». «Изменчивость средств существует не сама по себе; она является лишь знаком того, что техника пока еще не стала верной служанкой человека, иначе говоря, что он пока не стал ее истинным господином». Юнгер сравнивает все – как уже свершившиеся, так и грядущие – кризисы, конфликты и потрясения с переборами в работе старого мотора, который тархтит и чихает при запуске, но затем начинает работать бесперебойно и почти бесшумно.

Таким образом, мы живем в странное время, «когда один тип господства уже ушел, а новый еще не родился». Впрочем, «нулевая точка уже пройдена».

«Первая стадия техники как процесса мобилизации мира гештальтом рабочего, по необходимости имеющая разрушительный характер, отныне сменяется второй стадией, на которой техника начинает служить воплощению дерзких и великих замыслов». Но еще далеко до третьей, решающей, стадии, на которой гештальт рабочего проявит себя творцом в высшем смысле, а в нашем пространстве появится именно то, что ему не хватает: «гештальт, метафизика, та подлинная величина, которую нельзя получить силой, посредством воли к власти или воли к вере».

Пока же, возвращаясь к вопросу о стиле, Юнгер отмечает, что даже в наиболее внешней области уже заметны зачаточные формы органической конструкции, которые соответствуют гармоничному союзу человека с находящимися в его распоряжении средствами. Уже сегодня «нельзя не заметить стремления не только к большей утилитарности, но и к большей простоте линий. И мы чувствуем, что эти тенденции удовлетворяют не только рассудок, но и зрение, причем происходит это с той непреднамеренностью, которая характерна для органического роста». «По крайней мере на некоторых своих этапах XX век уже демонстрирует большую чистоту и четкость линий, что свидетельствует о начинающемся прояснении формообразующей технической воли... Начинают понимать смысл высоких температур, ледяной геометрии света, раскаленного добела металла. Ландшафт становится более конструктивным и более опасным, более холодным и более раскаленным; из него исчезают последние остатки «красивости» и сердечности, вызывающей к душе. В нем возникают такие участки, пересечение которых напоминает прогулку по окрестностям вулкана или по мертвой лунной поверхности, где ощущается чье-то светлое незримое присутствие». Состояние законченности, к которому уже приближаются некоторые средства, можно наблюдать и на отдельных участках технического пространства, где «возрастает единообразие и тотальность. Поначалу технические средства, подобно болезни, проникают в конкретные точки; кажутся почти чужеродными телами в той субстанции, куда вторгаются. Новые открытия в самых различных областях совершаются столь же неожиданно, как вероятность попадания в мишень при стрельбе вслепую. В равной степени возрастает количество разрушений и новых проблем, требующих решения. Тем не менее о техническом пространстве можно будет говорить только тогда, когда все эти точки соединятся подобно петлям, образующим единую ткань. Только тогда станет совершенно очевидно, что не бывает личного вклада, который не был бы неразрывно связан со всеми остальными. Иными словами, сквозь совокупность специальных характеров работы проступит ее тотальный характер». Таким образом, стиль органических конструкций окончательно восторжествует благодаря сочетанию двух фактов. Первый из них состоит в том, что «тип», дабы действовать, нуждается в сообразных ему средствах, а второй – в том, что в этих средствах скрыт стихийный язык, доступный исключительно «типу».

Вполне понятно, что здесь вновь встает вопрос о внутренней ориентации, наиболее приемлемой для переходной эпохи, об особом внутреннем складе, а также о том, какую позицию следует занять по отношению, в частности, к миру культуры. По мнению Юнгера, сегодня существует остаточная буржуазная культура, которая представляет собой «своего рода наркотик», «роскошь, неперпимую в нынешней ситуации, когда надо говорить не о возвращении к традиции, но о создании оной», «Мы живем в такой исторический период, когда все зависит от предельной мобилизации и концентрации всех наших сил. Наши отцы, вероятно, еще могли растрчивать свое время на мечтанья об идеалах объективной науки и искусства, существующего ради себя самого». Наше же теперешнее положение – как во внешней, материальной, области, так и во внутренней, духовной, – жестко требует разрешения вопросов о том, что действительно является необходимым и каковы те задачи, как самого обыденного, так и самого возвышенного характера, которые должно поставить перед всеми творческими силами. Продолжая эту тему, Юнгер охотно прибегает к довольно резким выражениям. Например, он говорит, что чем больше этот новый образ жизни будет приобретать «кинический, спартанский, прусский или большевистский характер (здесь он явно обращается к образу «истинных большевиков» периода раннего коммунизма), тем лучше». И добавляет: «Решиться сделать достаточно глубокий надрез, должный освободить нас от старой пуповины», может только энергичное сознание, воплощенное в радикальной молодежи, «и чем менее образованным будет этот слой, тем лучше». «К сожалению, эпоха всеобщего образования лишила нас могучего резерва безграмотных, но талантливых людей. Так, сегодня с легкостью отыщется тысяча профанов, рассуждающих о церкви, но тщетными окажутся наши поиски человека, подобного прежним святым, отшельникам, обитавшим в пещерах или лесных чащах... «Впрочем, важнее то, что независимо от парадоксальности и полемичности этих выпадов против интеллекта, Юнгер, говоря о спартанском характере, определяет тип рабочего как тип мужественного и даже в некотором смысле аскетического склада. Важно «не улучшить жизнь рабочего, но придать ей высший, решающий смысл». «Первым шагом к этому является отказ от старых форм мышления и чувствования, вторым – отказ действовать в соответствии с этими формами». «Вполне вероятно, что для отдельного человека жизнь в чистом мире работы окажется не легче, но труднее; однако одновременно с этим высвободятся совершенно новые силы, невиданной ранее мощи. Всякое новое сознание свободы ведет к образованию новых иерархий, и именно это станет началом глубочайшего счастья, способного даже отречься от себя; если только здесь вообще имеет смысл говорить о счастье». Юнгер добавляет: «Столь же отрадным зрелищем, как вид вольных кочевников, одетых в лохмотья, чьим единственным богатством являются лошади и драгоценное оружие, стал бы вид мощного и дорогостоящего арсенала «цивилизации», обслуживаемого и контролируемого персоналом, живущим в монашеской или солдатской бедности. Такая картина радует глаз мужчины, и мы видим ее всякий раз, когда для достижения великих целей человеку предъявляют повы-

шенные требования. Примерами могут служить такие образования, как тевтонский рыцарский орден, прусская армия, *Societas Jesu*, и следует подчеркнуть, что солдатам, священникам, ученым и художникам всегда была присуща естественная связь с бедностью». Нечто подобное кажется вполне возможным и естественным в «ландшафте кузницы, где гештальт рабочего мобилизует мир», что тесно связано с ориентацией на реальное, существенное и необходимое. Именно так начинает вырисовываться «образ государства, напоминающий уже не пассажирское или торговое судно, но военный корабль, где царит крайняя простота и умеренность и где каждое действие выполняется с инстинктивной уверенностью».

Наконец, вновь звучит ницшеанская тема аскезы власти, когда Юнгер, рассуждая о средствах, которыми обладает потенциальный властитель, способный найти применение богатствам провинций и метрополий, говорит, что он «будет распоряжаться ими тем увереннее, чем более научится презирать их». Это дополнительное подтверждение того момента, на который мы неоднократно указывали, а именно, что юнгеровский идеал рабочего является противоположностью идеала растительного благополучия и процветания, который сегодня составляет цель всякого научно-общественного прогресса.

Как мы видели, Юнгер сравнивает современное состояние с антрактом, во время которого за опущенным занавесом идет смена декораций для появления новых персонажей. Сюжеты сохраняются, меняется лишь язык выражения, меняется «распределение ролей в новой постановке великой драмы». «Герои, верующие и любящие, не умирают никогда; каждая эпоха открывает их заново», они соответствуют различным «гештальтам» «мифического» или надысторического уровня. Здесь возникает специфическая проблема человеческих форм, свойственных эпохе рабочего (или типа) и техническому пространству. Поскольку его фундаментальной категорией должно стать бытие как бытие в действии (то есть активно связанное со стихийными, чистыми, сущностными и, вероятно, опасными силами), можно предположить, что тот новый облик, в котором вечные персонажи вновь выйдут на сцену после смены декораций, потребует расширения нового образа бытия также на пространство личной жизни в прямом смысле этого понятия, то есть на частную жизнь. Несомненно, подобная идея входит в круг размышлений Юнгера, однако он оставляет эту тему без должного рассмотрения; не говоря практически ничего о той форме, которую в мире типа должны обрести отношения между полами, в семье, человеческие взаимоотношения в целом.

Что до веры, то тип должен оставить за собой все противоречия, свойственные светскому либерализму, для него характерно «не отсутствие веры, но иная вера. Его предназначение в том, чтобы вновь открыть почти утраченную великую истину, которая состоит в том, что жизнь и культ суть одно целое». Мы видели, что Юнгер постоянно говорит о скрытом «культовом» (*kultische*) изме-

рени работы. Однако он оставляет этот аспект без уточнений. «Жизнь» многолика, ее «культовое» возвышение можно толковать по-разному, в том числе в спорном естественноисторическом смысле. Похоже, что вышеприведенная формулировка Юнгера относится к такой бытийной позиции, которая, не исключая метафизической подосновы, предполагает полную вовлеченность в жизнь и исключает всякого рода бегство от мира. Действительно, в одном месте он говорит, что новое мышление, формирующееся исходя из принципа гештальта, «распознается по умению различать *universalia in re*», то есть, согласно смыслу этого схоластического выражения, – в трансцендентных, надындивидуальных принципах, действующих в реальности. Поэтому для типа всякий спекулятивный дуализм представляет собой нечто вроде «ереси» или «духовного предательства». Из дуализма, говорит Юнгер, вытекают «все противопоставления власти и права, крови и духа, идеи и материи, любви и секса, души и тела, человека и природы, духовной и светской власти, противоположности, принадлежащие языку, который будет чуждым типу». Согласно автору, эти противопоставления являются пищей для нескончаемого диалектического обсуждения, оказывают разлагающее влияние и в результате ведут к нигилизму, «поскольку благодаря им все превращается в путь к бегству». Это лишнее подтверждение того, что Юнгер, говоря об образе жизни человека, по сути имеет в виду идеал активной целостности. К сожалению, автор ограничился в этом отношении простой констатацией, тогда как, опираясь на этот идеал, можно было бы прояснить многие существенные проблемы внутренней жизни и предотвратить те отклонения и нелепости, которыми закончили многие духовные течения нашего времени, исповедующие путанную и иррационалистическую религию жизни.

## ГОСПОДСТВО РАБОЧЕГО

### **Искусство, культура и «Gestaltung» в мире типа**

Юнгер более подробно останавливается на проблеме искусства, точнее, того, что он называет немецким словом *Gestaltung*, которое означает любую оформляющую творческую деятельность, а не искусство в его узком, традиционном смысле.

В диптихе современной переходной эпохи, набросанном Юнгером, пару строительному ландшафту составляет «музейная деятельность» (*musealische Tätigkeit*). Автор изобретает это выражение для описания всех культурно-художественных форм, которые составляют остаточное наследие буржуазной эпохи. Поскольку принцип работы еще не выработал собственный однозначный стиль, интеллектуальное пространство нашего времени заполняется преимущественно музейной деятельностью.



Юнгер смотрит на это следующим образом: прежние произведения и формы создавались в свое время творческой силой, имманентно связанной с основными гештальтами подлинных культур. Сущностная, живая, стихийная связь художника с этими гештальтами отныне утрачена; и тем не менее мы заставляем себя воспроизводить эти формы и сохранять их как критерии оценки для любого возможного творчества. Между тем следовало бы задаться следующим вопросом: может, в нашем пространстве уже установились новые условия, реальность которых просто пока еще не нашла зримого отображения в искусстве? А, следовательно, не обладаем ли мы уже особого рода свободой, которой мы должны научиться пользоваться? Согласно Юнгеру, именно этим объясняется творческое бесплодие и бессилие в эстетической области, за которые нередко упрекают наше время. Он говорит также об «историческом идолопоклонстве, прямо связанном с недостатком творческой силы», причиной чего в свою очередь является то, что «сохранение и воспроизведение так называемых культурных ценностей достигло такого масштаба, что возникла необходимость освободиться от этого груза». Он добавляет: «Происходит еще не самое худшее, когда вокруг всякой изветшавшей и сброшенной оболочки, в которую некогда облачалась жизнь, собирается толпа критиков, знатоков и коллекционеров. В конце концов, так было всегда, пусть и в других масштабах. Гораздо большее беспокойство вселяет то, что эта суета породила целый набор штампов, которыми маскируется глубочайшая апатия. Здесь играют тенями вещей и рекламируют понятие культуры, чуждое всякой первородной силе. И это происходит в то время, когда стихийное вновь вторгается в жизненное пространство со своими недвусмысленными требованиями».

Некоторые считают, что оригинальное творчество сегодня осложняется особыми условиями и средствами, присущими технической эпохе. Но для Юнгера «средства эпохи суть не препятствия, а пробные камни для творческой силы, степень которой определяется способностью использовать все эти средства целиком. Но это невозможно, пока сохраняется идея противоположности механического и органического миров, которая является всего лишь выражением слабости и растерянности, порожденными вступлением в действие новых законов, чья природа отнюдь не имеет чисто механического характера». Одобрительно встречают любые эксперименты, за которыми, по сути, стоит стремление к оригинальности, понимаемой исключительно в индивидуалистическом смысле. Между тем следовало бы, напротив, признать существование пространства, которому сегодня присуще гораздо большее своеобразие, чем то, которое было свойственно миру индивида. Тем самым Юнгер вновь бросает современному искусству обвинение в том, что оно, утратив действенную связь с прежними ценностями того или иного «гештальта», продолжает паразитировать на них, одновременно полемизируя против воцарившейся сегодня атмосферы и тех средств, при помощи которых дух пытаются увести от «более сурового и чистого пространства», должного стать театром решающих действий.

Предметом этих действий должны стать формы, имеющие не субъективистский, но «типический» характер. Очевидно, что только так на смену индивиду придет тип как воплощение нового гештальта. Юнгер показывает, что наряду с наступлением буржуазии и демократии, по мере абсолютизации и генерализации искусства, укреплялась идея, согласно которой творчество по сути своей является индивидуальным явлением. Подобная направленность достигла пика в культе гения, свойственном XIX веку. «История искусства представляется преимущественно как история личности, а произведения искусства – как автобиографические документы. Соответственно, на первый план выдвигаются те виды искусств, в которых преобладает субъективистский и индивидуальный фактор; а такие объективные формы, как скульптура и архитектура, отступают на задний план». Шире говоря, само понятие культуры попадает под влияние концепции индивида: «культура связывается с индивидуальным усилием, чувством уникального переживания, значимостью авторства... Предполагается, что для творчества требуется особое исключительное пространство, высшие сферы идеализма, романтическое бегство от обыденного или уход в труднодоступные области отвлеченно эстетической деятельности. Соответственно, автор художественного произведения описывается как обладатель уникальных, исключительных и даже аномальных в патологическом смысле способностей.

Этот ранг возрастает по мере повышения значения массы вследствие тесной взаимосвязи обоих полюсов буржуазного мира: все происходящее на одном полюсе не может не отразиться на другом. По мере увеличения массы возрастает и потребность в великих индивидах, в которых частицы, составляющие массу, находят оправдание собственному существованию. В конце концов эта потребность вызвала к жизни странное явление нашего времени – искусственно сделанного гения, который при поддержке рекламных средств вынужден играть ту роль, которую в прежние времена играли великие личности. Фигуры подобного рода также становятся предметом особого культа, в котором личность отождествляется с обычным индивидом. Этим объясняется тот потрясающий успех, которого достигла современная биографическая литература особого рода, в сущности, занимающаяся доказательством исключительно того, что нет никаких героев, а есть всего лишь люди, то есть индивиды».

Все это признаки конечной стадии предшествующего периода. Для нового мира будет характерна совершенно иная направленность, исходящая из того, что «в настоящей культуре жизнь и формирующая эстетическая деятельность слишком тесно связаны между собой, чтобы творческий дар можно было считать чем-то редким, исключительным или чудесным. Удивительное здесь – в порядке вещей. Поэтому отсутствует и культура в привычном для нас смысле этого слова».

Юнгер добавляет: «Подобно тому, как современное отношение к природе свидетельствует о разладе между людьми и самой природой, равным образом нынешнее понимание культуры свидетельствует об отчуждении человека от подлинного творчества. Мы уже почти не способны представить себе, что образы могут создаваться безо всякого усилия, одним движением, которое уже является выражением и отображением меры; что, следовательно, возможна такая культура, произведения которой возникают подобно прорастающей из почвы траве или обретают свой облик по законам кристаллизации».

Здесь любопытно отметить, к чему приходит Юнгер в поисках тех положительных черт, которыми должно обладать искусство и *Gestaltung* в целом после преодоления стадии буржуазного индивидуализма. В грядущем мире рабочего искусству приписывается те же характеристики, которыми обладало традиционное искусство, понимаемое в строгом смысле, то есть древнее искусство, коему, как известно, был свойствен стиль безымянности и символической типичности. Действительно для иллюстрации своей идеи Юнгер выбирает в качестве образца, достойного подражания, «ландшафты храмов и гробниц, с торжественным однообразием повторяющие простоту и постоянство пропорций, монументы, ордера, орнаменты и символы, при помощи которых жизнь окружает себя определенными и однозначными образами. Это выражение полноты и замкнутого единства». К этому Юнгер добавляет, что типичность, традиционная анонимность, отсутствие оригинальности в индивидуалистическом понимании, свойственные таким ландшафтам в их совокупности, обнаруживаются и в частностях. Он говорит о лицах греческих статуй, ускользающих от физиогномических штудий, так же как античные трагедии – от психологических мотиваций; вспоминает культуры, где актеры выступали в масках, боги имели звериные головы, а «признаком формообразующей силы было запечатление определенных символов, вечно повторяющих себя подобно природным процессам». Перед лицом этого «типичного» мира, говорит Юнгер, «чужестранец испытывает не восхищение, а страх, и даже сегодня ночной вид большой Пирамиды или зрелище уединенного храма Сегесты, озаренного сицилийским солнцем, продолжают вызывать схожие чувства».

«Этому миру, насыщенному силой, подобно магическому кругу, также близок тип, олицетворяющий гештальт рабочего... Несомненно, формы, в которых тип воплощает себя, не имеют ничего общего с нынешним пониманием культуры; им, скорее, присуще несравненное единство, позволяющее нам понять, как действуют те силы, которые превосходят чисто рефлексивное сознание». Так, Юнгер описывает атмосферу, сообразную творческой деятельности в мире рабочего. «Особое достоинство этого творчества состоит в том, что оно не имеет ничего общего с индивидуалистическими ценностями. В отказе от индивидуальности лежит ключ к новым пространствам, знание которых утрачено с давних времен». В эстетической области Юнгер также выявляет процесс, который хотя и разрушает индивида, но ведет не к подличностному (как в нивелирующих и стандартизирующих формах переходного периода), а к надличностному

уровню. Это подтверждается тем, что за образец типического и символического искусства он берет искусство традиционного общества, где, вплоть до готического периода, на переднем плане стоял не автор с его проблематичностью и субъективностью, но произведение в его объективности, целью которого было отображение универсальных связей.

Юнгер позаботился и о том, чтобы указать на ошибочность мнения тех, кто склонен отождествлять описываемые им типичные и объективные формы с формами, непосредственно порожденными наступлением масс и индустриализацией. Образцом последних может служить заводской серийный продукт, который «не имеет ничего общего с типическими формами, кроме свойственного ему однообразия, да и это сходство – только внешнее. Есть существенная разница между однообразием морской гальки и однообразием кристаллических образований. Та же разница существует между представлениями об атоме, свойственными XIX и XX векам, или между механическими величинами и органической конструкцией». Следовательно, символическую типичность нельзя смешивать с бесплодным однообразием. «Типические формы непонятны, невозможны и неосуществимы без точной связи с гештальтом, к которому они относятся как оттиск к печати». Хотя они и не отражают никаких индивидуалистических ценностей, но благодаря своему репрезентативному и символическому характеру «отличаются от бессодержательности, свойственной всему, относящемуся к абстрактной массе». Поэтому если одной из характерных черт последней стадии господства рабочего должно стать повсеместное утверждение и распространение типичных форм, то эта универсальность станет результатом возвышения четко определенного и однозначного человеческого гештальта – благодаря которому рождаются подобные формы – до формирующей власти над универсальными измерениями, не имеющей никакого отношения к потребностям космополитического общества, нивелированного в соответствии с рационалистическими выдумками.

Возражая против понимания искусства и культуры как некоей изолированной сферы, Юнгер еще раз повторяет, что подлинная форма не является некоей редкой диковинкой; она не может возникнуть в некоем уединении, возрасти в закрытых и тщательно охраняемых питомниках; напротив, она проявляется постольку, поскольку является неотъемлемой частью повседневной жизни. Легко увидеть, что в этом он также возвращается к принципам, свойственным традиционным обществам, где не существовало ни одной области, которая в той или иной степени не была бы отмечена особыми стихийными темами, характерными для каждой из них. «В мире работы к созданию высшей формы и культуры будет призван тип, чье творчество станет прямым выражением тотального характера работы. Язык неподвижных символов, обостряющий восприятие чистого бытия, станет свидетельством того, что гештальт рабочего содержит в себе нечто большее, чем просто движение, что он обладает также культовым значением».

После этого Юнгер переходит от узкой области искусства к более широкой сфере, которой, как было сказано, соответствует выражение *Gestaltung*. Проблема *Gestaltung* тотального пространства равнозначна вопросу о власти, которая способна сделать это оформление материально возможным. Если тотальная мобилизация будет связана с «преобразованием жизни в энергию, что проявляется в технике, экономике и развитии транспортных средств, в шуме колес или в огне и движении на полях сражений», то *Gestaltung*, связанный с потенцией жизни, «станет выражением бытия и, следовательно, должен будет пользоваться языком форм, а не движений».

Помимо специальных областей искусства, оформление в высшем смысле должно затронуть все земное пространство. «Воля, для которой стихийным материалом является весь земной шар, несомненно, не будет испытывать недостатка в соответствующих задачах. И эти задачи сделают предельно ясной тесную связь между искусством как таковым и искусством государственного управления, которая существует повсюду, где жизнь упорядочена. Та же самая власть, которая в политике проявляется как господство, в искусстве выражается как оформление. Искусство должно стать доказательством того, что жизнь в ее высочайших формах необходимо понимать как тотальность. Оно перестанет быть чем-то независимым и оторванным от жизни, и точно также не останется ни одной области жизни, которую нельзя было бы рассматривать как материал для искусства». Высочайшей задачей, которую в эпоху рабочего может поставить перед собой творческая воля, является оформление ландшафта. «Планомерное оформление ландшафта является характерным признаком всех эпох, которым было известно несомненное и неоспоримое господство. Ярчайшими примерами этого служат великие сакральные ландшафты, посвященные культу богов и предков, расположенные близ священных потоков и гор». Юнгер перечисляет различные образцы подобного оформления, начиная от легендарной Атлантиды с ее грандиозными сооружениями до ландшафтов долины Нила, древнего Мехико, парков, в которые китайские императоры превращали целые области, мавританских дворцов Гренады и дворцов Багдада. «Эти образцы достигают такой степени совершенства, что оно заставляет нас испытывать почти мучительное наслаждение. Это свидетельства воли, жаждущей создать земной рай. Подобная воля исходит в своих действиях из единства всех сил, технических, общественных и метафизических... Здесь ничто не существует само по себе; здесь нет ничего, что можно было бы счесть слишком великим или слишком ничтожным для того, чтобы служить целому. От того, кто имеет хоть какое-то представление об этом единстве, об этом тождестве искусства с высочайшей энергией жизни, заполняющей все пространство, не может ускользнуть вся абсурдность нашей музейной деятельности».

Вполне очевидно, что предпосылкой подобного развития мира рабочего является гипотеза о наличии в нем тайной метафизики, составляющей саму основу этого мира. Только тогда мы не увидим ничего парадоксального в том,

что ландшафты, спланированные с математической точностью и полностью подвластные технике, постепенно появляющиеся на отдельных участках современного мира, также обладают душой, духовным, символическим и «культурным» измерением, каковое является наиболее значимым во всех примерах *Gestaltung*, заимствованных Юнгером в качестве образца из традиционных культур прошлого.

### **О ценностях типа**

Прежде чем перейти от проблемы оформления к краткому рассмотрению тех преобразований, которые на общественно-политическом уровне должны подготовить господство рабочего, стоит еще немного задержаться на доводах, которые приводит Юнгер в защиту ценностей, присущих типу.

Он, безусловно, признает, что тем, кто привык оценивать происходящее, исходя из индивида и его своеобразия, сложно признать достоинство, присущее новому человеку, типу. Тесные связи типа с числом, строгая однозначность его образа жизни и его учреждений, структурированных как органические конструкции, казалось бы, прямо противопоставляют его мир тому, где принято считать, что человек причастен «высшей знати природы» именно как индивид. «Металлические черты, присущие лицу типа, его любовь к математическим структурам, психологическая простота и даже его физическое здоровье мало соответствуют ныне распространенным представлениям большинства о творческой личности. Тип кажется привязанным к формам, присущим «цивилизации», и отличающимся как от природных, так и от «культурных» форм своей характерной незначительностью».

В качестве довода против подобных представлений и в защиту идеи, согласно которой типичное может иметь высший, а не низший ранг сравнительно с индивидуальным и индивидуалистическим, Юнгер повторяет сказанное им о стиле, свойственном древним традиционным обществам, при анализе культурной области. Однако заслуживает внимания и другое доказательство, которое он выводит теперь из мира природы, так как оно свидетельствует о любопытном смещении перспектив. Итак, Юнгер показывает, что «там, где природа занята оформлением, она больше заботится о точном соблюдении и сохранении типичности форм, нежели о различиях, присущих отдельным особям как представителям данных форм... Для всего многообразия видов, населяющих наш мир, действует строгий закон, направленный на сохранение чистоты структуры и детального постоянства каждой формы, что куда удивительнее, чем те исключения, которые обычно привлекают внимание. Нет ничего более постоянного, чем расположение осей кристалла или архитектурные пропорции тех миниатюрных произведений искусства из известняка, рога или кремня, которыми кишат морские глубины; и не без оснований некоторые предлагали использовать в качестве единицы измерения диаметра размер ячейки пчелиных сот. Даже сам человек как природное существо, то есть как

представитель своей расы, поражает нас высокой степенью единообразия и неуклонной повторяемости, которая обнаруживается как в его внешности, так и в мыслях и поступках».

Этого обычно не замечают, предпочитая видеть истинную формообразующую силу природы не в законченных и типичных гештальтах, но в вариациях, колебаниях и отклонениях, именно потому, что природе приписывается столь же индивидуалистическое мышление, как и то, которое породило абстрактное понятие свободы. Именно подобного рода мышление создает и биологическую теорию эволюции, являющуюся изнанкой экономической теории конкуренции и социальной теории прогресса в истории. Во всех концепциях подобного рода «жизнь всегда мыслится в понятиях целесообразности и преднамеренности и никогда – как спокойное выражение самой себя, в ее непревзойденном совершенстве типичных форм», то есть подчиняющейся не причинно-следственному механизму, но закону печати и оттиска. Если же воздержаться от применения к природе категорий, отражающих индивидуализм, то несложно понять, что природной действительности соответствуют не столько эволюционные теории XIX века, сколько учение о «живом развитии», «понимавшее под развитием проекцию прообразов в доступное восприятию пространство», отражение изначальных форм, которые существуют в себе и сами по себе (почти как платоновские идеи) и, независимо от того, какое эмпирическое объяснение дается их эмпирическому проявлению, являются результатом творческого акта (Юнгер показывает здесь также, что к этому учению, которое отчасти обязано своим появлением Гете и которое дарвинизм излишне самонадеянно посчитал превзойденным, приближается современная теория «вариаций» Дриша).

В этой иной перспективе иным является и критерий ценности. Высший ранг, присущий типичному, подтверждается не только примерами, заимствованными из традиционных обществ, но и глубинной творческой силой природы; тогда как концепция общества, культуры, человеческого совершенства и ценности, связанная с бюргерским индивидуализмом, напротив, кажется аномалией – ни традиционный, ни природный мир ее не оправдывают. Таким образом, согласно этой иной перспективе, высшая ценность отдельного человека состоит не в том, что он является индивидом, но, напротив, в том, что он воплощает и выражает в себе и вне себя «гештальт», достигает высокой степени деперсонализации.

Со своей стороны, мы уже указывали на наиболее существенный здесь момент: необходимо четко понять, в каких случаях силы, разрушающие индивида или вытесняющие его из нового пространства, выводят нас в сферу надличностного, а не подличностного). В принципе тип и все, им создаваемое, должны вывести нас за пределы как индивидуализма, так и коллективизма, как изолированного Я, так и массы, поскольку и то, и другое в равной степени являются проявлениями, бесформенного.

Что же касается человека, то в том же древнем традиционном мире – как восточном, так и западном – Юнгер мог бы найти еще один аргумент, подтверждающий его мысль, достаточно было вспомнить те «типичные» черты, которыми в этом мире обладали почти все репрезентативные гештальты: мудрец, воин, аскет, аристократ и другие, которым была свойственна теснейшая взаимосвязь между надличностным и безличностным.

### **Политические формы. Тотальное пространство работы**

На тех главах «Рабочего», где Юнгер рассматривает возможности общественно-политического развития, мы остановимся лишь вкратце, поскольку они имеют второстепенный, преходящий и нередко спорный характер. Причиной этого стало в частности то, что «Рабочий» был написан еще до того, как прояснились отдельные политические перспективы последнего времени, окончательно выявившие те отклонения, к которым приводит неизбирательное принятие идей, на первый взгляд близких тем, которые отстаивались в этой книге. Некоторые из них подверг пересмотру и сам Юнгер во второй период своего творчества; причем, на наш взгляд, этот пересмотр иной раз имел даже чересчур радикальный характер.

Возвращаясь к анализу переходного периода, Юнгер показывает, что сопутствующие ему процессы стремятся охватить собой целиком всю землю. И хотя пока мы находимся лишь на революционной стадии, планетарные масштабы этих процессов уже весьма заметны. «Характерный для нашего времени строительный ландшафт, который принято называть индустриальным, покрывает земную поверхность своими однообразными строениями и сооружениями, городами и промышленными районами. Не осталось стран, не опутанных сетью железных и автомобильных дорог, электропроводов и радиоволн, воздушных и судоходных линий. Становится все труднее понять, в какой стране и даже в какой части света сделаны снимки, запечатленные фотообъективом... В ландшафте мы обнаруживаем следы тех же процессов, которые разрушили человеческое общество, уничтожив сначала касты и сословия, а затем и формы бюргерской жизни. И мы знаем, что такого рода разрушения слишком глубоки и слишком обоснованны, чтобы их было можно остановить, так же как и то, что, не пройдя через них, бессмысленно надеяться на установление новой гармонии». «Ни одна форма жизни, ни одно пространство не в силах ускользнуть от этого процесса, который уже издавна все больше напоминает нашествие варваров, что выражается в разнообразных формах колонизации, заселения континентов, освоения пустынь и первобытных лесов, истребления коренного населения, уничтожения древних культов и жизненных законов, тайного или явного разрушения социальных и национальных слоев посредством революционных и военных действий. В этом пространстве число жертв ужасающе, а ответственность велика. Но независимо от того, кто станет победителем, а кто



побежденным, и гибель, и триумф равным образом возвестят господство рабочего».

Таким образом, сценическими подмостками становится весь мир. «Техника как средство, благодаря которому гештальт рабочего мобилизует мир, обладает всемирно-революционным характером; такой же характер имеет и тип, при помощи которого этот гештальт создает для себя расу господ. Повинуясь своей сокровенной природе, средства, вооружения и науки стремятся достичь всемирного господства, поэтому столкновения между крупными жизненными единствами приобретают характер мировых конфликтов». Само пространство, соответствующее гештальту и господству рабочего, также обретает планетарный размах. «Благодаря еще только нарождающемуся новому чувству, которое будет обладать достаточным мужеством для масштабного созидания и сумеет вместить в себя все противоречия, существующие в этом пространстве, весь земной шар будет восприниматься как единый».

В нынешнем состоянии эти противоречия легко заметны, что, в частности, проявляется в причудливом сосуществовании черт, превосходящих наступление нового порядка, с элементами анархии и хаоса. Согласно Юнгеру, основную причину подобного положения дел следует искать в том, что сопротивление, оказываемое идеями и жизненными формами, принадлежащими прошлой эпохе, еще не сломлено окончательно. Так, в материальной области не только противоречия, но также все волнения, кризисы и катастрофы как прошлого, так настоящего являются следствиями того, что во главе процесса индустриализации и технизации стоял буржуазный индивид; и сам этот процесс шел под знаком буржуазной, то есть абстрактной, свободы, отрицающей всякие обязательства. Отсюда дикая система конкуренции, экономическая борьба, неразборчивая эксплуатация всех ресурсов. Но сегодня становится все более очевидной необходимость мер тотального характера, пойти на которые способно только государство, точнее, вполне определенный тип государства, должный сменить собой либерально-социальные демократии. Тот новый тип политического единства, который, с одной стороны, положит конец разрушительной, революционной и динамической стадии, а с другой, станет подготовительным этапом к наступлению устойчивой и положительной стадии всемирного господства рабочего, Юнгер называет рабочей демократией (*Arbeiterdemokratie*) или рабочим государством (*Arbeiterstaat*). Для читателя, уже знакомого с тем, какой смысл Юнгер вкладывает в понятие «работа», излишне объяснять, что и выбранное им название – «рабочее государство» не имеет ни малейшего отношения к тому режиму, который в наши дни притязает на это звание. То же самое, как мы увидим, относится и к понятию «демократия».

Согласно Юнгеру, основными идеями, на которые вынуждены ориентироваться все политические формы текущего переходного периода, являются национализм и социализм. И тот, и другой двойственны по своей природе. С

одной стороны, они имеют динамический и нивелирующий характер, типичный для многих процессов настоящего времени, поэтому их необходимо оценивать на основе положительных целей, которые ставят перед собой соответствующие идеологии, но исходя из их чисто мобилизующего воздействия, имеющего подготовительный характер. Именно в этом смысле следует оценивать национализм и социализм, которые продолжают опираться на концепцию индивида и массы; в этом случае, как системы они принадлежат XIX веку. Другую свою сторону национализм и социализм открывают тогда, когда в них звучит притязание нового человеческого типа на овладение властью. Тогда здесь уместнее вести речь об активной форме типа как человека, желающего быть свободным не от чего-то, но для чего-то, который желает «достичь более надежной безопасности, нежели та, которую можно обеспечить исключительно силой оружия», и, следовательно, стремится «дать высшую оценку отдельным установлениям, наукам и видам деятельности на основе жизни, достигшей прямого осознания собственных возможностей». Тогда «типичные формы предстанут в виде системы, обладающей тщательно разработанными, точными и адекватными характеристиками, при помощи которой «гештальт» будет отражать себя в подвижной и многообразной реальности. Тогда не останется ни одного частного вида деятельности как умственного, так и физического уровня, каковой не был бы ограничен и одновременно усилен своим служебным положением».

Национализм и социализм как подготовительные формы представляют собой нечто большее, нежели концепции, созданные XIX веком и, следовательно, идейно принадлежащие прошлому. Вклад в мир работы вносят не борьбой за свободу против государства, но путем утверждения особого понимания свободы, в котором господство и служение составляют одно и то же. Юнгер указывает отдельные формы, предвосхищающие такое понимание, которое существенным образом изменяет первоначальные общественно-политические принципы, исповедуемые национализмом и социализмом. Поэтому хотя Юнгер и не исключает возможности появления на подготовительной стадии авторитарных форм, могущих понадобиться для обуздания сил, высвобожденных процессом мобилизации и распадом предшествующих единств, тем не менее он не считает, что в данном случае уместно говорить о диктатуре. По его мнению, диктатуре нет места там, где свобода и служение являются одним и тем же. Учитывая, что такие определения, как «рабочая демократия» или «рабочее государство», могут вызвать определенные недоразумения, вследствие того смысла, которые они обрели сегодня, для адекватного понимания подлинной мысли автора, возможно, уместнее воспользоваться такими определениями, как органическое или функционально-иерархическое государство. Так, говоря о собственности, Юнгер замечает, что вопрос идет не столько о ее защите или отрицании, в соответствии с теми или иными морально-идеологическими убеждениями, сколько о ее оценке с точки зрения того вклада, который она вносит в тотальную мобилизацию. «Частная инициатива перестает вызывать возражения, когда ей придают ранг специального характера работы

в рамках общего процесса», который к тому же не имеет ни малейшего сходства с процессом государственной бюрократизации, даже если государство мыслится как субъект тотальной мобилизации и тотального характера работы. Вкратце Юнгер указывает также на необходимость реформы парламентского института, нацеленной на его преобразование в технико-корпоративном направлении. Поэтому, несмотря на то значение, которым в терминологии Юнгера обладает выражение «тотальный», его общая ориентация явно не имеет «тоталитарной» направленности. «Органическая конструкция государства не произвольна, – говорит Юнгер, – она не предназначена к осуществлению утопии, в ней ни одно лицо или группа лиц не могут занять определенное положение или быть призваны к исполнению неких задач, им не соответствующих. Ее будет определять метафизика мира работы, а решающую роль будет играть то, в какой степени ответственные силы отражают гештальт, то есть утверждают тип по ту сторону ценностей как индивида, так и массы». Строго говоря, здесь даже нет смысла говорить о насильственном «захвате власти»; новый стиль будет революционным сам по себе, сам являя собою власть.

Поэтому Юнгер утверждает, что предлагаемый для переходной стадии тип государства «нельзя смешивать с диктатурой, даже если он использует технику плебисцитов. Чисто диктаторскую власть способна осуществлять любая сила; рассматриваемая же здесь система может быть реализована только типом в его активной форме. Типу не дозволено прибегать к произволу. Его власть ограничена средствами и задачами мира работы, и его приход к власти оправдан условиями, которые фактически противоречат бюргерскому пониманию свободы и соответствующему образу жизни».

В какой конкретной форме в зависимости от обстоятельств произойдет переход к новому типу политического единства, для Юнгера – несущественно; этот переход может быть осуществлен как министром, так и партийным вождем, в котором внезапно проявится тип в своей высочайшей форме, национальным или социал-революционным движением, сословием военных или даже чиновников, которые сумеют повести реорганизацию в соответствии с новым законом органической конструкции. «Нет никакой разницы, произойдет «захват власти» на баррикадах или путем хладнокровного исполнения конкретного рабочего плана. Наконец, неважно, произойдет этот переворот под рукоплескания толпы и во имя триумфа коллективистского мировоззрения или его будут приветствовать те, кто усмотрит в нем торжество личности, сильного человека». Важен только конечный результат, его объективное значение в общем процессе развития. Важно установление органической системы, а не «гражданского общества», то есть системы, где на смену общественному договору и конституционным правам придет рабочий план, где принцип бытия в действии обретет силу закона, где каждый будет занимать четко определенное и надлежащее ему положение, ощущая радость и свободу от своей вовлеченности в действие. «Тип обретет чувство ответственности перед лицом своих

высших возможностей, то есть перед тотальным характером работы, когда новые структуры достигнут максимального единства».

Таким образом, основным фактором предвещаемого переворота станет «поворот активного типа к государству», то есть пробуждение в нем политического призвания. Тогда «партии, движения и учреждения начнут преобразовываться в органические конструкции – в те новые формы единства, которые можно, пожалуй, назвать орденами и для которых характерна культурная связь с гештальтом рабочего. Таким образом, новой аристократией, овладевающей решающими духовными и техническими средствами, могут стать такие образования, как объединения бывших фронтовиков, армия, социал-революционная партия. Различие между величинами подобного рода и партией старого стиля очевидно. Здесь требуется подготовка и отбор человеческого материала, между тем как партия стремится исключительно к вербовке масс». Обращаясь к понятию «орден», Юнгер тем самым возвращается к возможности такого воспитания человека, которое налагает отпечаток даже на его физические черты, – возможности, доказанной как военными, так и религиозными традициями. Впрочем, он находит необходимым уточнить, что в данном случае подразумевает нечто совершенно иное, нежели «фантазии об отборе и улучшении расы, которые занимали видное место уже в первых политических утопиях». В сущности, можно сказать, что здесь имеется в виду понятие элиты, расширяемое также на экзистенциальный уровень. Формирующее действие должно иметь строгий характер. Необходимы такие школы, «где человек увидит в работе стиль жизни и власть, а чисто экономический момент отойдет на задний план, обретет подчиненное положение». Точно так же в другом месте Юнгер говорит, что «речь идет не столько о презрении к разуму, сколько о необходимости его подчинения себе». Например, среди прочего следует выработать «более тонкий инстинкт относительно того, что нужно знать, а чего – не нужно». В другом месте автор говорит об элите как о «своего рода гвардии». Здесь возникает естественная аналогия с теми «стражниками» платоновского государства, которых кто-то определил как «вооруженное сознание государства». Одной из основных задач этой отборной группы станет создание «органической конструкции из вовлеченных в безграничное движение масс и энергий, которые высвободил процесс разложения бюргерского общества». Сюда же относится вопрос о надлежащем и последовательном использовании в анти-индивидуалистических и антианархических целях средств формирования общественного мнения (печать, радио, кино и т. п.), усовершенствованных и обладающих большей мощностью благодаря развитию техники «в пространстве, где возрастает одновременность, однозначность и предметность переживания». Действительно, в различных областях эти средства сегодня стали «свободными» в том смысле, что ими распоряжаются частные группы и силы, нередко безответственные и склонные к злоупотреблениям (на наш взгляд, поучительный пример этого являет собой современная Америка). Здесь Юнгер возвращается к сказанному им ранее по поводу техники в целом – а именно к тому, что иное органическое использование новых средств возможно лишь для

типа, «поскольку только он обладает метафизической связью с техникой, надлежащей гештальту», и может считать своим новым объективным языком, соответствующим техническим средствам. Именно благодаря этому, типу открываются перспективы для формирующего действия, недоступного для какого бы то ни было свободного мнения, которое «накладывает свой отпечаток даже на выражение лица и интонацию голоса». Мы не будем задерживаться здесь на двойственном и опасном характере подобных возможностей, что многократно подтверждено опытом как прошлого, так и настоящего. Очевидно, что вся система Юнгера строится на оптимистическом допущении, то есть на идее, согласно которой рассмотренные структуры взломают границы мира абстрактной и индивидуалистической буржуазной свободы лишь ради того, чтобы перейти в услужение другим силам, коренным образом отличающимся от тех, которые были присущи вырождающемуся обществу. Мы вкратце вернемся к этому моменту в заключительных соображениях.

Юнгер считает, что на конструктивной стадии нет ни малейшего смысла в обращении к прежним добуржуазным традициям, связанным, например, с монархией. «Существуют столь тонкие связи, которые, оборвавшись однажды, уже не могут быть восстановлены». Он повторяет, что «овладеть положением смогут только силы, прошедшие через зону уничтожения и, тем самым, обретшие новое узаконение». Рабочее государство или рабочая демократия (которая, не будем забывать, имеет подвижный переходный характер, завершает один период и является началом нового) может иметь отдельные черты, схожие с теми, которые были свойственны государствам, существовавшим до революции третьего сословия, но оно будет отличаться от них своей способностью контролировать все силы, высвободившиеся в результате этой революции.

На данный момент фактическое положение таково, что, с одной стороны, во многих центрах наметились потенциальные тенденции к господству, но, с другой, говорить сегодня об истинном господстве более бессмысленно, чем когда-либо прежде. Можно последовать за Юнгером, когда он, желая отделить реальность от иллюзий, указывает на конкретные результаты, к которым незаметно приводит эпоха «свободы» и социальных завоеваний. Фактический социализм, который не следует смешивать с социализмом идеологическим, исповедующим интернационально-пролетарскую программу, проводит такую работу по разлагающей мобилизации, «о которой не могла мечтать ни одна диктатура»; а его исключительная эффективность вызвана тем, что она пользуется общим доверием и неизменно взывает к буржуазному пониманию свободы.

Юнгер описывает общее направление следующим образом. Отдельный человек есть атом, определенный прямыми влияниями. Все органические общественные сословия, частью которых он некогда был, окончательно исчезли; существующие связи имеют характер чисто внешних и договорных союзов,

возникших, как грибы после дождя, после распада старого сословного деления. Многообразие партий – чистая видимость. Как человеческий материал, так и все партии по сути однородны, и столь же един результат, к которому ведет партийная борьба. Всякая видимость разнообразия служит исключительно целям создания у человека иллюзии возможного изменения перспектив и свободы выбора. В действительности же нет ни одной альтернативы, которая предлагала бы подлинные решения, ибо все они являются орудиями той же системы. Обратной стороной разнообразных мораториев, субсидий, пособий и финансовой поддержки, различных мер социальной защиты и социального обеспечения являются столь же многочисленные формы контроля и уравниловки. Публичное образование – схематизировано. Школы и университеты штампуют человеческий материал, достигший никогда ранее не виданного однообразия. Печать и СМИ, спорт и техника доводят это однообразие до совершенства. Да, есть критика, но и для нее характерна лишь простая разногласица отдельных мнений, а не принципиальное различие позиций. Нет ни одного революционного требования, способного хотя бы в малейшей степени повлиять на ход развития науки и техники; никто не готов отказаться от использования хотя бы одного винтика, хотя бы одного механизма. Независимость по отношению к знанию, подобную той, которой обладали восточные властители, при необходимости утверждавшие свою власть кострами из книг, сегодня кажется немислимой. Если бы социалисту из 1900 года довелось оказаться сегодня в странах «победившего социализма», он с изумлением констатировал бы, что основной заботой социалистического государства является не заработная плата, а производственные показатели, что за отказ от работы могут приговорить к расстрелу, как часового, покинувшего свой пост, что продовольственный рацион населения на протяжении долгих лет ограничен, как у жителей осажденного города. Эти и подобные вещи, которые еще в 1914 году показались бы чистой утопией, стали привычными для наших современников. В некоторых странах идеологический социализм, действующий где с крайней жестокостью, где чуть мягче, но по сути всегда одинаково, сбрасывает старую кожу, поскольку по мере исчезновения прежнего препятствия, то есть общества, разделенного на сословия, касты и классы, позиции, оставленные противником, захватывают их победители; социализм перестает быть адвокатом угнетенных и эксплуатируемых, но сам включается в государство и становится властью, сохраняя изначальные социальные идеи лишь в качестве простой маскировки.

Картину, нарисованную Юнгером на основе его наблюдений за ситуацией, обрисовавшейся еще в годы написания «Рабочего», можно бы дополнить множеством новых фактов, ставших общеизвестными в последнее время. Сегодня принято демонстративно подчеркивать противостояние между так называемым «свободным миром», где номинально еще остаются в силе режимы, рожденные буржуазным понятием свободы, и миром, контролируемым коммунизмом. Но это противостояние существует скорее на уровне идеологических фантазий,

нежели в практической действительности. Кто-то удачно заметил, что на Западе победил «социализм без социалистов»; фактическая социализация и униформизация, система обязательств, которые не ощущаются таковыми лишь благодаря их восприятию как чего-то вполне естественного в общей атмосфере конформизма, в «свободных странах» отражают тот же процесс, который в «не свободных» странах имеет грубый и принудительный характер. Если не обращать внимания на идеологические надстройки, надо думать, со временем это сходство будет только усиливаться.

У Юнгера зрелище, которое представляет собой современный мир, сложившийся после краха старого, традиционного строя под влиянием уравнилельских принципов XIX века, вызывает образ вспаханного поля, которое ждет только того, когда в него бросят семя. Все, прежде сопротивлявшееся, незримо готовило почву для нового типа государства. Речь идет пока о простом переходе от пассивной, то есть «социальной», стадии к активной стадии рабочего государства. Здесь все будет зависеть от прихода нового активного типа в духовно опустошенное пространство, лишенное истинного принципа порядка. Только он способен придать всем социальным обязательствам новый смысл и иное реальное узаконение. Для типа даже такие ситуации, как война, безработица, зарождающийся автоматизм, которые накладывают на отдельного человека как индивида печать бессмысленности, представляют собой источники силы, усиливающие мощь его действий. Тип сумеет истолковать ту тоску, которая, несмотря ни на что, по-прежнему живет «в грезах космополитов и в учении о сверхчеловеке, в вере в волшебные добродетели экономики и в смерти, навстречу которой устремляется солдат на поле сражения», как тоску по «единству господства, которое, ощущая ответственность перед высшими силами, владеет мечом власти и справедливости как единственным гарантом, обеспечивающим мир хижинам, роскошь дворцам и сплоченность народам». Очевидно, что решающим моментом здесь является легитимность принципа, на который должна опираться система виртуальных уз, свойственных пассивной, социальной стадии при переходе в активную стадию. В этом отношении особое значение обретает предостережение, заключенное в следующих словах Юнгера: «Подобно тому, как мы не можем принять подарка от мошенника, не сделавшись его сообщниками, мы не можем признать и законность порядка, устанавливаемого силами особого рода».

### **Последняя стадия**

Однако, как уже говорилось, Юнгер не считает, что рабочее государство на национальной основе является окончательной фазой; оно принадлежит лишь переходной стадии. Более того, его, пожалуй, уместно сравнить с такими чрезвычайными формами правления, как, например, упоминаемый Юнгером особый институт диктатуры, вводившийся в республиканском Риме на ограниченный срок в чрезвычайных обстоятельствах. Но, по его мнению, даже в подобных условиях следует всячески избегать какого-либо повторения старых

форм. Изменения, происходящие с людьми и вещами в силовом пространстве трудового государства, слишком глубоки, чтобы можно было допустить возможность возвращения на исходные рубежи.

Необходимо идти вперед, и последняя стадия должна ознаменоваться скорее расширением, чем исчезновением нового принципа. Может даже случиться так, что установление национальных рабочих государств приведет к появлению закрытых форм организации, которые, учитывая прогнозируемый планетарный характер, присущий новому обществу, могут показаться регрессом сравнительно с интернационализацией и либерализацией, свойственными многим аспектам текущего переходного периода. Но этот регресс можно сравнить с «попятным движением назад перед прыжком». Атака, обращенная на внутринациональном уровне против сословий и классов, массы и индивида, захватывает уже и сами нации в той степени, в какой они продолжают следовать «буржуазным» образцам, выработанным XIX веком. Это относится как к тем, кто, исходя из концепции индивида, воспринимает нацию как совокупность суверенных атомов, так и к тем, для кого нация, в соответствии с представлениями о социальной жизни как об общественном договоре, является сплоченным коллективом; сплоченность коллектива, однако, носит чисто внешний характер, вследствие отсутствия какого-либо существенного и высшего принципа авторитета и порядка. Юнгер указывает на появление зачаточных тенденций к образованию наднациональных конструктивных формаций, подрывающих принцип абсолютных национальных суверенитетов. Однако речь идет о еще незавершенных формах, поскольку пока не достигнута «тождественность власти и права, где оба эти понятия обладают равной силой». Это относится как к империализму, сохраняющему националистическую подоплеку, где власть ставится выше права, так и к тем общественным структурам, в которых формальные полномочия в области права не уравниваются надлежащей властью и авторитетом (во втором случае Юнгер имеет в виду Женевскую Лигу Наций; последние события показали, что его критика не утратила своей актуальности и по отношению к нынешней ООН). Тем не менее, это первые шаги, которые, несмотря на свою незрелость и несовершенство, отражают более широкомасштабный факт; а именно то, что на более высоком уровне, свойственном гештальту рабочего, различные плановые ландшафты, несмотря на их замкнутый или закрытый характер, являются множеством отдельных участков, на которых разворачивается единый фундаментальный процесс. Так идет подготовка к установлению господства нового гештальта над всей планетой; и в стремлении национальных форм, еще сохраняющихся сегодня, к достижению единства, относительно близкого типу рабочего государства, можно предвидеть их грядущее включение в пространство, объединенное грандиозной органической конструкцией. Подлинной целью является планетарное господство как высший символ нового гештальта. Только оно сможет обеспечить подлинную безопасность, независимо от любых возможных путей развития «работы», как мирных, так и военных.



Мы знаем, что для Юнгера тотальный характер работы соответствует также такому режиму функционирования, который не допускает энергетических потерь. Образцом подобного функционирования стала современная война, которая распространяет свою власть на все области, заставляя отойти на второй план все различия между фронтом и тылом, армией и гражданским населением. Война как исконное, стихийное явление открывает новое пространство, измерение тотальности, открытое для передвижений рабочего. Опасности, скрытые в этом процессе, говорит Юнгер, хорошо известны. Необходимо их преодолеть, одновременно не теряя уровня напряжения, предпосылкой чего должно стать новое духовное воспитание человека, о котором подробно говорилось на предыдущих страницах.

На сегодняшний день уже существуют места на земле, где «стало очевидным стремление охватить жизнь в ее тотальности, наделить ее формой», даже если подобного рода стремления нередко находятся в идейном противоборстве. К этому присоединяются противоборствующие притязания на гегемонию в технико-экономической организации. Надежный и заверченный мир форм останется недоступным до тех пор, пока так или иначе не будет решен вопрос о господстве, пока множество единств, обладающих равным рангом, не будут уравновешены верховным единством высшего ранга. «Нам пока не известно, каким эмпирическим путем будет решен вопрос о верховной власти, именно поскольку состязание различных сил пока не завершено, – говорит Юнгер, – однако каким бы не был его результат, кто бы не стал в нем победителем, в любом случае это решение будет связано с реализацией гештальта рабочего». Мы же, со своей стороны, считаем, что реалистический взгляд на современный мир и его ближайшее будущее не оставляет никаких сомнений относительно единственно необходимого исхода; об этом мы скажем пару слов в заключении.

Единство рабочего пространства является последней стадией. От него будут зависеть «регуляция технико-экономических функций, производство и распределение благ, установление границ, разграничение и назначение задач между нациями». «Только в силу этого единства станут возможными формирующие и символические действия, благодаря которым все жертвы обретут свое завершение и оправдание как образы вечности в гармоническом законе пространства и в монументах, бросающих вызов времени».

Что касается общей атмосферы, то ее подоснова нам уже известна. «Бурная деятельность и отдых, серьезность и веселье, будни и праздники перестанут быть противоположностями или, по крайней мере, станут противоположностями второго ранга, подчиненными цельному чувству жизни», жизни, несущей на себе отпечаток работы, понимаемой как «элемент полноты и свободы, открыть которую еще только предстоит».

## Заключительные соображения

Как уже говорилось в начале, целью нашего исследования было знакомство читателя с идеями «Рабочего», а не их критический анализ. Поэтому в заключение мы ограничимся отдельными краткими соображениями общего характера. Кроме того, основные вопросы, затрагиваемые Юнгером, мы уже рассматривали в других своих работах [**Прежде всего это – «Rivolta contro il mondo moderno» (Milano, 1951) и «Люди и руины» (Москва, 2002). Круг проблем, затрагивающих различные области распадающегося мира, а также проблема поведения, надлежащего особому человеческому типу, рассмотрены в «Cavalcare la Tigre».**] и в критическом анализе его идей нам пришлось бы во многом повторить сказанное ранее.

У многих читателей может создаться впечатление, что, ставя диагноз нашему времени и прогнозируя его будущее развитие, Юнгер сгущает краски, поскольку сегодня кажется, что напряжение, обусловленное теми разрушительными, стихийными процессами, которые составляют основу его доктрины рабочего, значительно спало. До некоторой степени это действительно так; помимо прочего, следует помнить, что Юнгер – художник, и поэтому в его книгах немалую роль играет драматическое воображение. Однако имеет смысл вернуться к тому, что говорилось в «Предисловии». В ограниченном пространстве так называемого «западного» мира концепция «Рабочего» может показаться устаревшей или не обязательной, лишь поскольку наше нынешнее положение напоминает нечто вроде антракта, эйфорическая атмосфера которого, впрочем, не должна вводить нас в заблуждение. Невозможно не признать того, насколько мы привыкли жить сегодняшним днем в этой атмосфере, где за соблазнительными перспективами, открываемыми постоянным ростом материальных возможностей, таится фундаментальная нестабильность. Естественно, прежде всего это относится к области международной политики; речь идет в первую очередь о затяжной холодной войне между «Западом» и «Востоком» со всеми последствиями, к которым она способна привести; но и помимо этого на нашей планете хватает потенциально «горячих» точек, где взрыв может произойти в любой момент, что неизбежно приведет к активизации стихийных сил.

Что же касается жизни в целом, то все сказанное Юнгером относительно прорыва стихийного как реакции на рационально-конформистские порядки буржуазного общества также нельзя сбрасывать со счетов. Сегодня это стало настолько очевидным, что при подборе свидетельств подобного рода самое главное не запутаться в бесчисленном разнообразии новейших форм компенсации, бегства от действительности или бунта против нее, что проявляется в стремительном росте неврозов, появлении новых наркотических средств, разгуле преступности, увлечении примитивистскими и сексуальными сторонами жизни, ныне обретшими уже коллективный характер (достаточно упомянуть

то значение, которое в наши дни обрел джаз как танцевальная музыка и другие сходные явления). Все это, похоже, позволяет утверждать, что проблема стихийного не утратила своей актуальности, а, следовательно, не утратила ее и проблема целостной жизни, преодолевающей внутреннюю раздробленность, которая и стала причиной вышеупомянутых явлений. Многие из сказанного Юнгером может показаться преувеличением лишь постольку, поскольку более острая, не одурманенная восприимчивость позволяет ему схватить реальность, скрытую за видимостью внешнего благополучия в тех ситуациях, кризисный характер которых большинство людей не ощущает лишь потому, что из острого и спорадического состояния они перешли в общую, хроническую стадию.

Однако вклад Юнгера в определения специфических категорий для формирования нового, антибуржуазного человека нельзя признать полностью удовлетворительным. Он указывает общее направление, связанное, главным образом, с формулой героического реализма и культурой «типа». Но, как уже говорилось, помимо этого необходимо было поставить и углубить целый ряд специфических человеческих проблем, в связи с чем стоило бы напомнить то, что пишет сам автор в Предисловии, сообщая читателю, что дальше тот должен продвигаться сам, поскольку важен не столько подбор надлежащего материала, сколько «инстинктивная безотказность метода».

С учетом этой оговорки попробуем установить, какое положение занимает юнгеровская доктрина работы и рабочего в комплексном видении времени. Для начала стоит вкратце обратиться к традиционной концепции инволюционного хода истории, подробно изложенной нами в вышеупомянутых работах. Власть и господствующий культурный тип по нисходящей сменяли друг друга в соответствии с четырьмя основными ступенями, на которые, как правило, функционально делились древние общества: духовная власть, воинская аристократия, буржуазия, рабочие. Даже не углубляясь в детали, вполне очевидно, что общества, зиждущиеся на сакральном и на чисто духовной власти, отныне остались в незапамятном прошлом; столь же давно завершился и цикл великих воинских династий, а революция третьего сословия, наряду с наступлением буржуазии и индустриализма, подорвала и вытеснила всякое жизнеустройство и закон, относящиеся к более высоким уровням. Теперь одновременно с кризисом буржуазного общества на первый план в общих «социальных», или коллективистских, рамках начинает выходить четвертое сословие, а, следовательно, и свойственный ему принцип, то есть труд и соответствующий ему тип – трудящийся, рабочий. Человек, свободный от предрассудков, легко убедится, что описанная нами картина событий – не плод частного умозаключения или толкования, но жестокая реальность.

Действительно, одним из признаков нашего схождения на четвертую стадию является генерализация понятия труда, что в любое другое время показалось бы немислимым отклонением. Сегодня почти всякая деятельность мыслится и

выглядит как один из видов работы. Если в древних традиционных обществах та же работа могла иной раз возвышаться до ранга творческой деятельности или искусства, то сегодня, напротив, даже в искусстве и интеллектуальной деятельности склонны видеть особую разновидность работы, то есть тот вид активности, который в прежние времена связывался исключительно с низшими общественными слоями.

Поэтому может показаться, что, выбрав понятия «работа» и «рабочий» и сведя к общему знаменателю «работы» все формы деятельности, определившиеся с пришествием техники и сопутствующими процессами активистской мобилизации мира, Юнгер поддался настроениям времени, тем самым впав в обычное заблуждение, благодаря которому в работе видят самодостаточную цель и ключ к общему мировоззрению. Однако, как мы видели, в его книге понятие «работа» имеет другое смысловое наполнение, а именно не понимается как материально-экономическая категория, но отождествляется с героическим реализмом, не является социальной или коллективно-пролетарской величиной, но определяет новые, обнаженные отношения антибуржуазного человека со стихийным; наконец, его рабочее государство не имеет ни малейшего отношения к тому, что сегодня принято обозначать этим термином, но представляет собой строго упорядоченную органическую структуру, которая даже заставляет автора обратиться к традиционному понятию ордена. С учетом всего этого становится очевидным, насколько иной смысл имеет теория Юнгера с точки зрения основной направленности, экзистенциальной ориентации. Это, скорее, походит на то, как если бы в текущем состоянии, в мире, целенаправленно подчиняющем себя работе, за пределами самой нижней отметки нисходящего процесса нам открылся путь к новому восхождению. Действительно, работа, рабочий и рабочее государство в юнгеровском понимании более не являются категориями четвертого сословия, но сливаются с ценностями героического, активистского и в определенном смысле также военно-аскетического типа. Кроме того, как мы видели, актуальность «Рабочего», в том числе генетически, не вытекает из философских опытов, как это бывает у некоторых эпигонов абсолютного идеализма, или из попыток практического применения марксизма, как это случается на определенных участках коммунистического пространства, но обладает «экзистенциальной» актуальностью, которая впервые открывается человеческим типом, прошедшим жестокий отбор в испытаниях великой войны. Так, за процессами, потенциально разрушительными для цивилизации третьего сословия, признается исключительно тактическая ценность, тогда как их положительной целью объявляется не цивилизация четвертого сословия, но жизнеустройство согласно законам, родственным по духу тем, которые были свойственны обществу второго сословия. Не зря Юнгер, наряду с крайним модернизмом, постоянно возвращается к опыту пруссачества, то есть к типичной традиции второго сословия. Более того, многократно обращаясь к «метафизике» мира работы, с соответствующим ему гештальтом, к образцам, заимствованным из традиционных культур и имеющим, несмотря

ни на что, всецело сакральную основу, пытаюсь дать представление о конечных формах мира типа, свободного от прежних динамичных, революционных и активистских характеристик, Юнгер заходит еще дальше в своем возвращении к корням. Таким образом, таково место и значение теории Юнгера в проблематике нашего времени.

Мы уже указывали на одно из, пожалуй, наиболее актуальных положительных требований, выдвинутых в «Рабочем», – мы имеем в виду требование выработки определенного типа этики, воспитания человека (влияющего даже на его жизненную субстанцию), стиля и мировоззрения, каковые, при всей своей реалистичности и решительной антибуржуазности, имеют прямо противоположный знак сравнительно с тем, что предлагают марксизм и коммунизм. Тип заимствует приемлемые для себя характеристики у определенного активного и реалистичного идеала человека, чуждого культу индивида, аскетичного и обладающего иммунитетом против «буржуазного декадентства», описанного уже крайне левыми идеологиями. Равным образом он вбирает в себя отдельные элементы стиля, выработанные их противниками, революционными антикоммунистическими национальными движениями, которые, к сожалению, основательно навредили себе неразборчивостью в выборе мифов и ориентиров. Прежде всего именно в этом заключается особое значение книги Юнгера.

Согласившись с этим, теперь спросим себя, можно ли, следуя в указанном Юнгером направлении, нащупать новый альтернативный путь, так называемый третий путь, за рамками противостояния между Западом и Востоком (то есть между крупнейшими центрами власти, нынешних цивилизаций третьего и четвертого сословия), и имеет ли этот третий путь будущее.

Для этого необходимо принять в расчет те проблематичные факторы, которые практически остались без внимания в рассматриваемом нами произведении. Как мы видели, Юнгер считает почти доказанным, что эпоха техники и работы, повинувшись скрытой в ней метафизике, приведет к возникновению мира «типа» и к его господству. Но это, по сути, означает, что можно не сомневаться в неизбежном торжестве будущей универсальной цивилизации, где стихийные силы, пробудившиеся в последнее время, избегнут вытеснения и, напротив, внесут положительный вклад в преображенную и обретшую большую мощь жизнь, преодолевшую все категории, ценности и идеалы буржуазного типа. Однако очевидно, что прорывы стихийных сил могут иметь также отрицательный и даже демонический характер; эта возможность, наглядно доказанная нам последними событиями, включая вторую мировую войну, в «Рабочем» вообще не рассматривается. Как мы видели, Юнгер говорит о текущем соперничестве между центрами мировых сил, воодушевленными волей к гегемонии, и не исключает вероятности их столкновения в будущем; однако он считает, что, чем бы не закончился этот конфликт, независимо от того, какая сторона победит, а какая проиграет, реальным победителем окажется гештальт рабочего, который подчинит себе земное пространство. Но в это можно только верить.

Тогда как на самом деле не мешало бы учесть и возможность того, что среди противоборствующих сторон может оказаться и та, которая воплощает в себе стихийное в его отрицательных темных аспектах и соответствующим ужасным способом использует все возможности, открытые миром техники, ради подчинения себе не только материальных сил, но и самого человека. В одном месте Юнгер признает, что вопрос о том, какая именно из различных форм воли к власти, считающих себя призванными осуществить мировое революционное действие, «обладает легитимностью», пока остается открытым. Сам же он объявляет практически единственным критерием легитимности для рабочего – господство над техническими средствами и развитием техники, что с учетом вышесказанного представляется явно неудовлетворительным.

Мы уже объясняли, почему не намерены говорить здесь о более поздних работах Юнгера. Но если бы нам захотелось взять книгу, которая, образно говоря, стала демаркационной линией между двумя периодами его творчества, то мы выбрали бы его символически зашифрованное романическое повествование под названием «На мраморных скалах» (*Auf dem Marmorklippen*, Гамбург, 1939). Именно в этой работе Юнгер подошел к рассмотрению вышеуказанной отрицательной возможности. Действительно, атмосфера, в которой разворачивается действие повести, – это время Рагнарёка, «сумерки богов». Мир равнин и лесов, мир «Червей Огня», глава которых получает имя *Oberfögster* (Главный Лесничий), является миром стихийного в его низменных, разрушительных аспектах; это мир насилия и бесчестья, питающий презрение ко всем человеческим ценностям. Юнгер иносказательно описывает, как этот мир, вырываясь на свободу, затягивает за собой и противоположный ему мир, мир мраморных скал, где еще сохранились символы гуманистических наук, аскезы, патриархальной жизни; он увлекает его за собой, несмотря на сопротивление, организованное представителями уже обессилившей знати (государь *Zanmyra/Sanmyra*), бок о бок с которой сражается абстрактная воля к власти (*Braquemart*), готовой использовать то же оружие, что и противник и, наконец, сила, сплывающая вокруг себя людей, не утративших связи с землей, не сломленных и не затронутых буйством разрушительных стихий (*Belovar/Belovar*). Естественно, упоминаются те, кому удастся избежать катастрофы, и воздвигнутый, когда настанет время, храм, в фундамент которого будет заложена сохраненная ими реликвия. Но настоящий цикл, которому принадлежат символические Мраморные скалы, завершается триумфом сил, пробужденных Главным Лесничим, стихийных в полностью отрицательном смысле; и единственной надеждой остается лишь то, что «опыт уничтожающего огня станет для отдельного человека порогом, переступив который он перейдет в мир, не подверженный порче».

Кроме того, если бы мы анализировали самые последние произведения Юнгера, то мы напрасно искали бы там максимы, подобные тем, которыми изобилует «Рабочий», например, о важности умения выхватывать обнаженный клинок, без опасения поранить себя или о необходимости занятия таких позиций,

которые позволили бы от обороны перейти в наступление. Более того, в «Лесном пути» (Der Waldweg, Франкфурт, 1945), где забавным образом вновь появляются те ценности, которые ранний Юнгер безусловно заклеил бы как «бюргерские», он прямо доходит до изучения способов, открывающих индивиду путь к бегству и тайному сопротивлению миру, контролируемому тоталитарными силами, то есть миру, близкому по своему устройству рабочему государству, где, впрочем, стихийное проявляет себя исключительно в своих негативных аспектах.

Действительно, тот высший смысл, который предположительно заложен в латентном состоянии в стихийности мира техники и машин и во всей современной жизни, остается чисто гипотетическим. Для того чтобы текущие специфические преобразования обрели положительный характер, они сначала должны переменить свой знак на обратный, что автор с полным правом считает совершенно необходимым условием. Но нет никакой уверенности в том, что человек сегодня «в окружении сил хаоса... закаляет свое оружие и сердце и... находит силы отвергнуть счастливый исход», о чем с определенным пафосом говорит Юнгер в конце своей книги; более того, в большинстве случаев мы наблюдаем, скорее, обратное. Описанные пути развития всего лишь возможны, а, следовательно, их можно не столько констатировать, сколько постулировать и детерминировать как вероятные.

Кроме того, чтобы принять положения, выдвинутые в «Рабочем» в качестве положительной отправной точки для возможного конструктивного пути, следовало бы для начала определить его границы и, следовательно, признать необходимость интеграции. В некотором смысле эту границу указал сам Юнгер, который в другом своем произведении, «Strahlungen» («Излучения»), говорит, что «Рабочего» стоило бы дополнить «теологической» частью, и уподобляет его медали, одна сторона которой – четко отчеканена, а обратная – бесформенна и гладка. Как, вероятно, заметил читатель, Юнгер неоднократно обращается к уровню, превосходящему чисто героико-аскетический уровень, наличие которого, по сути, является необходимым условием для того, чтобы последний смог обрести глубинный смысл и оправдание; ведь, если работу в общепринятом, материальном смысле нельзя мыслить как самодостаточную цель, то возникает вопрос, что же является целью всей этой мобилизации, осуществляемой работой, в ее общепринятом, а не юнгеровском понимании. Реализм, описываемый как характеристика типа, заведомо исключает всякую попытку лжеоправдания, основанную на смутной и пьянящей мистике действия и жизни.

Самой впечатляющей стороной перспектив, намеченных в «Рабочем», является полностью модернизированный, технический, реалистичный, сущностный, незамутненный и свободный от индивидуалистических уз объективный мир, к тому же обладающий собственной метафизикой. Именно наличие или

отсутствие последней является решающим моментом для главных из поставленных проблем. Так, если проблематичное действие, осуществляемое сегодня фактическим социализмом и другими движениями подобного рода, можно отнести к чисто подготовительной фазе, то для перехода к активной стадии, являющейся необходимой предпосылкой для нового типа государства, решающей становится проблема последнего основания власти, той харизмы или печати, которые, как говорит Юнгер, чтобы прямо проявить себя, «используют знаки, которые легко распознает тот, кто готов им повиноваться». Проблема еще больше усложняется, когда Юнгер указывает на необходимость уравновесить соперничество мировых сверхдержав посредством вышестоящей власти, обладающей столь же высоким рангом; по сути, здесь предлагается нечто вроде того типа власти, которым обладала в Средние века Священная Римская империя над отдельными суверенными государствами.

Уровень, соответствующий высшей легитимации, то есть позволяющий найти ответ на эти и другие подобные им вопросы, может быть только чисто духовным уровнем. Но какое место оставляет техника и ее прародительница современная наука не только активному или воинскому, но подлинно духовному мировоззрению? Очевидно, что наука современного типа ведет к полной десакрализации мировоззрения. Единственным ее оправданием является прагматичность, на которую указывает Юнгер, говоря о том, что научные системы являются системами рабочего и нацелены на мобилизацию и господство сил реальности. Но сложно представить себе, чтобы эта наука захотела вернуться к поиску духовного, сакрального или метафизического измерения реальности и признать его главенствующее положение, учитывая, что нынешнее человечество привыкло мыслить мироздание исключительно в терминах современной науки и техники, то есть как нечто неодушевленное. Однако именно это является существенным пунктом; в ином случае весь разговор о «метафизике» останется пустой болтовней.

Кроме того, в процитированном выше отрывке Юнгер говорит о «теологии» крайне обобщенно и даже иносказательно, не упоминая ни одной конкретной положительной религии, а, следовательно, исключая также христианство. Более того, в одном месте «Рабочего» он высказывается о нем в том смысле, что духовная ориентация рабочего так же далека от направленности христианской души, как последняя далека от состояния души, свойственного классической античности. Новый человек, выбирая «огненный путь саламандры» и «разрыв пуповины», заложенные в героическом реализме, оказывается в крайне затруднительном положении во всех вопросах, связанных с проблемой смысла и последнего оправдания. Он не может рассчитывать на наследие традиционного мира (многие мотивы которого, как мы видели, хотя и вспоминаются с чувством ностальгии, парадоксальным образом смешиваются с жесточайшим модернизмом новейшего образца), которое позволило бы ему заранее избежать вероятных отступлений и поражений и четко установить качественное



ранговое различие между своим правом и правом своих возможных противников. Таким образом, перед типом расстилается духовная пустыня. Его основная проблема состоит в том, чтобы удержать свои позиции и одновременно отыскать приемлемую «теологию», отличную по форме, но не по уровню, от тех, которые были свойственны великим традиционным культурам прошлого.

Если отвлечься от конечных перспектив (которые, тем не менее, следовало бы прояснить с самого начала, поскольку лишь они могут определить различие возможных путей), то следует признать, что теории, выдвинутые Юнгером по поводу современного мира, несомненно, имеют этическую ценность. Юнгеровский рабочий, безусловно, представляет собой более высокий тип по сравнению с тем идеалом человека, который предлагают теории экономического материализма, нацеленные на процветание стадного животного и соответствующее превращение в буржуа даже тех, кто выдвигает лозунг антибуржуазности. Рабочего отличает антигедонистическая и антиэвдемонистическая духовная позиция фронтовика, прошедшего испытание великой войной как позитивно и безлично формирующей силы. Вне всякого сомнения, эти люди, готовые следовать не за тем, кто обещает, но за тем, кто требует, способны к созданию высшей культуры. Если бы подобный человеческий тип сумел взять под свой контроль и обуздать безграничное развитие средств, поставив их на службу достойной цели, это привело бы к реализации другой предпосылки, необходимой для установления нового порядка. Положительной чертой можно считать и требование отобрать существенное, «облегчить багаж», выкинув все признанное лишь пустой, отжившей формой, продолжающей удерживаться в жизни только благодаря предрассудкам и конформизму, и, следовательно, сделать свой выбор в пользу реализма, который ни в коем случае не является синонимом материализма. Наконец, если учесть, какое место в так называемых свободных странах отводят молодежи, которую уместнее назвать не потерянными поколением, в соответствии с привычным выражением (им чересчур часто злоупотребляют), но скорее сокрушенным, раздавленным или травмированным поколением, если задуматься обо всех формах компенсации, возникших в результате пренебрежения сокровенным смыслом существования и жизненными законами, способными упорядочить глубочайшие, стихийные слои бытия; если принять все это во внимание, то принцип «работы» в юнгеровском понимании, то есть в смысле бытия, целиком погруженного в действие, преодолевшего противоречия индивида, нетерпимого к любым формам бегства от действительности и достигшего новой свободой, не имеющей ничего общего с анархией, хотя и прошедшей через нее, заслуживает положительной оценки. Поэтому если в современном мире возникнут тенденции, подобные тем, которые, как казалось Юнгеру, он предугадывал в свое время в отдельных представителях нового поколения – даже если только «как сигнальные флажки, указывающие направление для армий, которые только находятся на подходе», – их, безусловно, можно считать благоприятным признаком.

Но все вышеперечисленное является лишь первым шагом. Конечная стадия, связанная с проблемой последнего смысла, имеющей специфически духовную природу, о которой мы говорили чуть выше, выглядит трудноразрешимой (по указанным причинам), если только не произойдет какое-либо непредсказуемое событие «сверхъестественного» – в смысле не человеческого – порядка. Действительно, даже в мире рабочего и типа, коренным образом отличающемся от современного материалистического мира, не просматривается возможности для вторжения метафизического, сакрального или трансцендентного (каждый может выбрать определение на свой вкус) измерения, которое способно очистить и возвысить его; самой собой, это вторжение должно иметь экзистенциальный характер, а не быть просто новой теорией или маргинальным верованием.

В пространстве цивилизаций нередко повторяется то, что согласно теории мутаций происходит в биологии: некий непредусмотренный разрыв уровня становится началом развития в новом направлении и новой энтелехии живой органической материи. Юнгер отчасти подразумевал именно эту возможность в своем обращении к доктрине «гештальта»; «гештальта», который не является порождением истории, но сам, своим появлением определяет историю. Эта идея кажется нам вполне приемлемой на высшем, действительно метафизическом уровне, однако при этом не стоит заблуждаться по поводу того, что в данном случае мы имеем дело с простым постулированием некоего условия, время и саму возможность реализации которого сегодня никто не способен предугадать – ибо, объективно рассуждая, уже переход от пассивных, проблематичных, распадающихся форм современного мира техники и количества к активным и законным формам «типа» нам отнюдь не гарантирован.

### **Примечание**

Настоящая работа была уже отправлена в типографию, когда вышла новая книга Юнгера, озаглавленная «У стены времени» (<<An der Zeitmauer»). В отличие от других произведений автора последнего периода она отчасти возвращается к идеям «Рабочего»; в частности, видимо, именно поэтому в предполагаемом издании полного собрания сочинений Юнгера, о котором объявил издатель Эрнст Клетт, эти две работы планируется включить в один том.

Мы лишь вкратце упомянем здесь об этом новом произведении, поскольку оно мало что добавляет к интересующим нас проблемам. Действительно, оно посвящено главным образом метафизике или эсхатологии истории, а взгляды автора носят довольно гипотетический и даже фантастический характер. Мы стоим на пороге «космической цивилизации», деятельность человека («рабочего») отныне начинает оказывать влияние на мировые силы (последние научно-технические достижения), а «первозданная основа» реальности приходит в движение, целью которого является оформление новых структур бы-

тия. Именно это порождает приступы страха и «антеической» (от Антея) тревоги, вспыхивающие то там, то здесь. Поэтому все кризисы и разрушения, спровоцированные развитием цивилизации, необходимо понимать как своего рода «инициатические родовые схватки» и загадочный дар за все страдания и жертвы, принесенные человечеством в последнее время. Наконец, именно поэтому окончательно утрачивают свое значение все предшествующие концепции человеческой жизни. «Стена времени» отождествляется со «звуковым барьером», то есть с границей, которую необходимо сломить и преодолеть. Юнгер говорит, что подобно тому, как доисторические, «мифические» эпохи не являлись частью нашего («исторического») времени, но принадлежали качественно иному времени (идея, которую начал развивать уже Шеллинг), точно так же то, что мы называем историческим временем, близится к концу, и эта граница отделяет нас от чего-то равным образом нового и неизбежного, метаисторического, не связанного со всем известным нам как «история» с соответствующими категориями.

Юнгер затрагивает в своей новой работе также несколько вопросов, поставленных нами в заключении. Во-первых, он истолковывает «конец мира» как конец вполне определенного мира (одного цикла), что может иметь как катастрофический, так и положительный характер (поскольку он знаменует собой преодоление разрыва и завершение «антракта»). Во-вторых, он говорит об испытании, через которое по необходимости должен пройти человек, каковое представляет собой своего рода проверку его способности перепрыгнуть «стену времени» и благодаря этому скачку обрести свободу в новом мире. В некотором смысле Юнгер говорит здесь о необходимости той непредсказуемой «мутации», того экзистенциального, сущностного и духовного изменения, на которое мы указывали как на предварительное условие, благодаря коему «рабочий» получает высшее узаконение в своем возможном самоутверждении. Кроме того, он также выдвигает идею, согласно которой за абстрактными и механическими силами нашего времени, подобно вызванным заклинаниями «призракам», скрываются новые («метафизические») потенции, незримые побродники происходящих преобразований.

В книге встречается немало ценных предчувствий и соображений, которые, однако, беспорядочно перемешаны с чисто фантастическими и сомнительными умозаключениями. С точки зрения систематичности и завершенности эта работа крайне далека от уровня «Рабочего». Прежде всего серьезный подход к метафизике истории (концепция времени, доктрина четырех мировых циклов, эсхатология и т. п.) не позволяет довольствоваться личными взглядами, пусть даже они являются плодом размышлений мудрого и творческого ума; здесь требуется обращение к объективному, традиционному знанию. Так поступал, например, Генон и некоторые его последователи; так же пытались действовать и мы сами, затрагивая схожие темы. Как уже говорилось, основные проблемы, к которым мы сочли нужным привлечь внимание читателя в нашем ис-

следовании, а именно проблемы имманентного формирования высшего человеческого типа в пограничных и разрушительных обстоятельствах нашего времени, в книге «У стены времени» не получили дальнейшего развития. Как мы уже говорили, этот круг вопросов, без сомнительной эсхатологической подоплеки, подробно рассматривается нами в уже упомянутой книге «Оседлать тигра».

---

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс  
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»



Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).